„Sozialistitscheski Westnik"
„Der sozialistische Bote"
Berlin SW19, Seydelstr. 5, 1. Hof

Preis M. 300.—
in Deutschland
(Doppelnummer)

Zentralorgan der Soz.-Dem. Arbeiterpartei Russlands

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партии
Выход. 2 раза в месяц при ближ. участии Р. АБРАМОВИЧА, Ф. ДАНА и Л. МАРТОВА

№ 2 (48) | Контора и редакция: Berlin SW, Seydelstr. 5, I. Hof, тел. Zentrum 765 | 17-го января 1923 г. | Прием по делам редакции ежедн., кроме субботы, от 1—2 час. | 3-ий г. изд.

СОДЕРЖАНИЕ:

ВЛАД. ДАВ. МЕДЕМ

9 января в 4 часа дня в Нью-Иорке скончался Владимир Давыдович Медем.

Тяжелая болезнь почек, обостренная царской каторжной тюрьмой, унесла в могилу в возрасте 43 лет этого блестящего, исключительно одаренного человека.

Медем был вождем еврейского рабочего движения в России и Польше. В Бунде немало товарищей, которые и по своей работе и по положению в партийной организации значительно старше и заслуженнее Медема, но не было и нет ни одного, который мог бы с ним сравниться по своей популярности. Имя Медема было символом, знаменем еврейского социалистического движения среди еврейских рабочих масс обоих полушарий: в Одессе и Нью-Иорке, Варшаве и Южной Африке. Человеку, стоявшему вне евр. рабочего движения, трудно себе представить, с какой любовью, с каким обожанием еврейские рабочие массы относились к «своему» Медему. Это об'яснялось не только тем, что Медем был исключительно блестящим оратором, каких немного во всем социалистическом Интернационале, талантливым публицистом, разносторонне-образованным человеком и редким умницей; не только тем, что он в высокой степени обладал даром «ловца душ человеческих» и отличался необычайной обаятельностью, как человек, собеседник и товарищ, — это об'яснялось еще и некоторыми особенностями его биографии.

Медем родился в 1879 г. в семье военного врача, в Минске. Его родители были евреи, но совершенно ассимилированные, принявшие христианство. Его старшие братья пошли в офицеры, а маленький Воля воспитался в офицерско-чиновничьей среде русского губернского города, в духе православия и чинопочитания и усердно пел на клиросе в церкви.

Но уже в старших классах гимназии, а затем в Киевском университете Медем приходит в соприкосновение с революционными кружками. Он вступает в с.-д. партию, принимает участие в студенческих волнениях и в 1899 г. вылетает из Университета. После 5-мес. сидки он высылается в Минск под «надзор полиции». Тут он сталкивается с бундовским движением, принявшим уже тогда очень импозантные формы. Положение евр. раб. масс, стонущих под тройным ярмом социального, политического и национального бесправия, поражает душу молодого Медема, и высокий бледный юноша с льняными волосами и светлосиними глазами, с типичным лицом русского барчука, в наружности, манерах и говоре которого нельзя было открыть ни атома еврейства, почувствовал себя кровно связанным с еврейскими народными массами и принял бесповоротное решение, всю свою жизнь и все свои силы посвятить делу освобождения еврейского пролетариата. Со всем пылом молодости и таланта он бросился на изучение столь чуждой ему среды. И с течением времени сделался одним из лучших знатоков всех запутанных проблем еврейской общественности: в вопросах сионизма, национализма, еврейской экономики и нацио-

нального вопроса вообще ему ни в Бунде, ни во всей РСДРП не было равного.

В 1901 г. он, скрываясь от грозящей ссылки в В.-Сибирь, бежал заграницу, в Швейцарию. Здесь (в Берне, в Женеве) он очень скоро выдвигается, и становится одним из самых популярных референтов и ораторов. В 1903 г. он, несмотря на свою молодость, избирается в Заграничный Комитет Бунда, участвует на V с'езде Бунда и делегируется вместе с 4 другими лидерами Бунда на II с'езд РСДРП. — Его брошюры о «национальном вопросе» (в связи с выходом Бунда из РСДРП), о сионизме и др. дают ему широкую известность далеко за пределами Бунда, а его исключительное умение вести собрания превращает его в несменяемого председателя всех последующих с'ездов и конференций Бунда. На Лондонском с'езде РСДРП (1907 г.) и русские товарищи могли убедиться в председательских талантах «бундовского Зингера».

В ноябре 1905 г. Медем возвращается в Россию и принимает активное участие в развертывающихся событиях. В начале 1906 г. он избирается в ЦК Бунда, и становится редактором или соредактором всех легальных и нелегальных бундовских изданий (Фолксцейтунг, Векер, Еврейский Рабочий, Наше Слово, Наша Трибуна, Арбейтерштиме и др.)

В 1908 г. он, гонимый своей хронической болезнью, возвращается заграницу. Сначала в Женеве, затем, с 1912 г. в Вене, он участвует в редакции бундовских легальных еженедельников и ежемесячников, которые под разными названиями (Лебенсфраген, Цайт и др.) издавались в Варшаве, Вильне и Петербурге.

В 1913 г., полагаясь на официальную «справку» Деп. Пол., что против него не имеется никакого «дела», Медем поехал в Россию. Но уже на второй день после своего приезда в Ковно был арестован и перевезен по требованию судебных властей в Варшаву, где против него и ряда других товарищей был затеян процесс за издание «Лебенсфраген» и принадлежность к Бунду. Медем получил 4 года каторги; подал аппеляцию, судился вторично. И его, тяжело больного изнурительной болезнью почек, около 1½ лет возили по разным каторжным тюрьмам.

По капризу судьбы, его, после рассмотрения аппеляционной жалобы, из-за болезни не успели эвакуировать из Варшавы к моменту прихода немцев в 1915 г., и немецкие военные власти, демонстрируя свою «освободительную миссию на Востоке», выпустили Медема вместе с 30 другими «политическими» на свободу*).

Встреченный ликованием еврейских рабочих оккупированной Польши, Медем стал во главе еврейского рабочего движения всего края, умело используя те крупицы «легальных возможностей», которые оккупанты, заигрывавшие тогда в Польше с евреями, предоставили евр. прессе и проф. союзам. В бесчисленном ряде огромных открытых собраний и лекций, в основанной им рабочей газете, на почве целой сети созданных при его помощи культурных, школьных союзов и организаций взаимопомощи, Медем заложил фундамент для Бунда, который окреп и развился в новой Польше в крупную политическую силу. — Вместе с тем в необычайной степени росла и крепла его личная популярность среди самых широких слоев еврейского трудового люда. О нем, о его прошлом создавались легенды, и образ «гоя», «генеральского сына», превратившегося в социалистического «Уриэля Акосту», был окружен нежностью и обожанием еврейской бедноты.

В 1917 г. Медем, следуя зову русской революции, пытается пробраться в Россию. На военные фронты помешали ему это сделать.

В 1918—1920 г. г. бундовские организации в Польше подпали под ту волну большевистских настроений, которая лишь теперь начала спадать.

Медем, ясный и строгий ум которого отчетливо видел основной дефект большевизма, и который сохранил верность заветам марксистской социал-демократии, оказался в трагическом положении. Он не мог отойти от созданной им партии, как нельзя было и его «отставить от Бунда»». И он нашел выход в том, что вначале января 1921 г. согласился совершить агитационную поездку по Америке, для сбора средств в пользу Бунда в Польше.

Его турнэ по Америке было сплошным триумфом. Но он чувствовал себя чужим за океаном, и всей душой тянулся назад, в Европу. Но уже болезнь его приняла угрожающий характер: годы каторги сказались. Последние месяцы он уже почти не мог двигаться. Но и лежа, весь опухший, на смертном одре, он до последней минуты не переставал интересоваться партийными делами, и еще за 3 недели до смерти сносился по телеграфу с берлинскими товарищами по делам партии.

* * *

С Медемом сошел в могилу не только замечательный человек и редкий ум, и не только вождь небольшой — в мировом масштабе, — партии еврейских рабочих, — его смерть крупная, неоценимая потеря и для русского рабочего движения, с которым он никогда не терял связи, и для всего Интернационала, в котором многие его знали и ценили.

Еврейские рабочие в Варшаве, Лодзи и др. гор. Польши стихийно бросили работу, когда пришла весть о смерти Медема; общественные учреждения, профсоюзы и школы прекратили свои занятия. В Америке похороны Медем превратились в грандиозную рабочую демонстрацию.

Но и русские рабочие, и еврейский социалистический пролетариат не забудет имени одного из своих лучших борцов.

Два юбилея.

Десятый с'езд советов был назван юбилейным потому, что он совпал с пятилетием советской власти и потому, что он был десятым по порядку. Но юбилейного было в нем разве только то, что Калинин произнес юбилейную речь, в которой все с'езды большевистского периода были расположены в порядке их постепенности, как мудрые этапы политической и экономической созидательной работы коммунизма. Кроме этих нескольких слов, ничего юбилейного на с'езде не было заметно, и он прошел столь же вяло и скучно, как все последние с'езды.

«Я не знаю — восклицал Калинин — был ли когда нибудь в мире парламент, как наш с'езд советов!» Мы этого тоже не знаем. И мы думаем вместе с ним, что такого парламента, как калининский с'езд, еще никогда не было. Ведь этот чудо-парламент отличается тем, что из двух тысяч делегатов не было ни одного депутата оппозиционной партии! Ни одного человека, который сумел бы и осмелился бы критиковать серьезно деятельность правительства, ответственного перед этим парламентом! Парламент, состоящий из депутатов, строго подчиненных тому же внепарламентскому органу,

*) История с «освобождением жертв царизма» была в свое время широко использована нем. печатью. А его «дневник» (напечатанный в бунд. газете), в котором он в полубеллетристической форме описывает свои переживания в тюрьме, был, без ведома В. Д., и к его величайшему огорчению переведен на нем. яз. в «Süddeutsche Monatshefte», литер. журнале, во время войны ударившемся в крайний шовинизм.

которому подчинены и члены правительства, а именно центральному комитету РКП. Был ли такой парламент в мире? Если и был, то он играл ровно такую же ничтожную роль, как и наш тоже-парламент в Большом театре.

Только полным отсутствием оппозиции и об'ясняется бессодержательность, бесцельность, бесплодность и театральность работ с'езда. Порядок дня заготовляется президиумом, и с'езду предоставляется изменять его только в мелочах. Почему доклад Наркомфина стоит в порядке дня, а доклада о транспорте нет? Что еще важнее — почему не бывает докладов ни Наркомвоен, ни ГПУ? Ведь в этом беспримерном парламенте им не угрожал ни один неловкий вопрос, ни одна неудобная речь. Но пренебрежение к «разговорам» и чувство суверенного превосходства над всякими представительными учреждениями делает для этих органов «твердой власти» ненужной и неприемлемой хотя бы видимость подотчетности и контроля.

И весь ход «прений» носит тот же характер. Каждый нарком, отправляясь на с'езд для доклада, кладет в один карман свои «тезисы», а в другой — им же заготовленную резолюцию, которую он предложит с'езду советов в одобрение своей деятельности. Затем он прочитывает перед с'ездом, в качестве доклада, свой очередной фельетон из «Экономической Жизни» или «Известий», который сопровождается положенным количеством «дружных аплодисментов». За отсутствием оппозиции, прения носят исключительно «ведомственный» характер, и в них участвуют провинциальные чиновники, подчиненные тому министру, чей доклад был заслушан. Исключение составляет в этом случае разве один только Ларин, брюзжание которого на каждое новое проявление Нэпа стоило ему депутатского места в ЦИК'е. Наконец, резолюция сдается в секцию или комиссию, и после ничтожной переработки руками других чиновников, она принимается единогласно с'ездом советов, и на следующий день после ее напечатания она забывается всеми, в том числе и автором ее, который в своей дальнейшей деятельности меньше всего руководствуется своей резолюцией.

В заключение новый ЦИК «утвердил» всех членов правительства. Это опять-таки лицемерный акт «народного суверенитета». Ибо назначение новых членов правительства происходит вне всякой зависимости от с'ездов советов и ЦИК'а, постановлением Ленина или его заместителя. Поэтому-то так красноречиво отчет «Известий» говорит об этом заседании:

«Енукидзе предлагает в качестве председателя ВЦИК М. И. Калинина. Члены ВЦИК аплодируют и единогласно утверждают Калинина»... «ВЦИК приступает к избранию председателя Совнаркома. Предлагается утвердить тов. Ленина. Члены ВЦИК аплодируют, и тов. Ленин утверждается единогласно»... «Единогласно утверждается список народных комиссаров», аплодируют ли при этом члены с'езда или нет, газеты не сообщают, но мы не сомневаемся, что они и на этот раз добросовестно выполнили свою единственную функцию.

Впрочем, наряду с коммунистами на с'езде присутствовали и 98 беспартийных. Нашлись люди — особенно заграницей — которые вообразили, будто эти беспартийные способны на какую то серьезную оппозицию, на борьбу с коммунистическим правительством. Они поверили большевистской версии, будто эти беспартийные точно так же отражают настроения беспартийной народной массы, как большевистские депутаты отражают настроения своей партии. Между тем, на с'ездах советов фигурируют только такие беспартийные, которые мыты в десяти коммунистических водах, которые либо принадлежат к категории «примазывающихся», либо же являются бесцветными чиновниками, чуждыми политике и совершенно неспособными на самостоятельное мышление, на критику и борьбу. Громадная беспартийная масса населения не имела таким образом на с'езде никакого представительства.

Такой состав с'езда больше всего облегчил работу Каменеву, который должен был на этот раз выполнять функцию, до сих пор всегда лежавшую на Ленине. И нужно признать, что только перед таким с'ездом можно выступать с речью, подобной речи Каменева. Сперва он пространно раскаазывал все, что и без того известно из газет, — о Генуе, о рапальском договоре, о Гааге и Лозанне, о Соед. Штатах. Ни одного нового слова, ни одной новой мысли. После этой экскурсии в область высокой политики он коснулся и наших внутренних дел. Но о внутренних политических отношениях, о внутренней политической борьбе, конечно, ни одного слова. Он забыл о том, что протекший год принес крупнейшие достижения на «внутреннем фронте»: разгром последних легальных организаций социалдемократии, прогремевший на весь мир процесс эсеров, высылку интеллигенции и профессоров заграницу и т. д. Его задача была другая: он должен был доказать, что «отступление перед капитализмом» вовсе не так велико, как начинают догадываться иные коммунисты. Оказывается — по Каменеву, — что в государственных предприятиях занято 1 300 000 человек, а в частной промышленности лишь 70 000. Но даже Каменев не мог умолчать о результатах государственного хозяйничания своей партии: «Факт остается фактом. Мы на рынке проторговались и не только не вернули с этого рынка того, что мы на него бросили для восстановление промышленности, но больше того, мы потеряли часть нашего основного капитала на этом рынке» Казалось бы, нет особенных оснований гордиться своими экономическими успехами. Но Каменев не смущается. Ему приказано лягнуть экономическую программу нашей партии, и цитируя «Социалистический Вестник» он восклицает: «наш путь другой. Он заключается в том, что мы предоставляем частному капиталу лишь те отрасли промышленности, и те отрасли хозяйства, которые мы не концентрируем в руках самого государства». Неправда-ли, какой глубокомысленный рецепт? Есть ли на свете страна, в которой дело обстояло-бы иначе?

Но какую реальную ценность имеют обещания Каменева удержать в руках государства всю или почти всю русскую промышленность, — это вскоре обнаружил Ларин, от которого вся польза для России состоит в том, что в пылу драки он иной раз выбалтывает кой-какие интересные секреты: «в недрах ВСНХ разрабатывались и разрабатываются в качестве представления (?) в об'екты концессий предприятия в гораздо более широком об'еме, чем это представляет себе и общественное мнение нашей партии, и общественное мнение хозяйственников, работающих в промышленности.» Об этом конечно ничего не поведал Каменев, гордый на словах своей неуступчивостью капитализму.

Ничего не поведал об этом и председатель ВСНХ Богданов, в ведомстве которого происходит такое грехопадение. Впрочем, Богданов обошел молчанием и целый ряд других вопросов, о которых гораздо интереснее было бы услышать с'езду, чем трафаретный доклад, подносимый раньше ежегодно Рыковым, а ныне его преемником — о том, что

теперь «наконец» промышленность возрождается и народное хозяйство прогрессирует. Ни словом не обмолвился Богданов о новой классовой борьбе, которая развивается на почве нового капитализма, об экономической борьбе рабочих в государственных предприятиях. Столь-же мало пытался он ответить на вопрос, как и чем он думает бороться против того кризиса сырья, который развивается сейчас в русской индустрии и который грозит оставить далеко позади все предыдущие промышленные кризисы большевистской эпохи. Или надо пережить еще одно потрясение, чтобы убедиться в рациональности экономической программы социалдемократии, — подробно тому как горький опыт кронштадтского восстания, крестьянских движений и забастовок петербургских рабочих привел в свое время к отмене «военного коммунизма»?

Доклад Луначарского был, напротив того, сплошным стоном и плачем о гибели народного просвещения. Оно и неудивительно: в положении наркомпроса никакого оптимизма и добродушия не хватит, чтобы рисовать дело в сколько-нибудь розовых красках. Число школ и число учащихся уменьшилось за полтора года больше чем на половину. Россия уже значительно понизилась в этом отношении даже по сравнению с 1914 г. По сравнению с общим числом детского населения учащиеся составляли два года назад 75%, а сейчас — 38%. Учителя получают жалования меньше всех других категорий рабочих и служащих, а именно 12% прожиточного минимума. Что касается высших учебных заведений, то здесь половину пришлось ликвидировать; впрочем это коснулось, главным образом тех «университетов», которые насаждали местные исполкомы во имя мировой революции и ради производства лишней пары журналистов в высокий чин «профессоров». У центральной власти почти нет средств на народное просвещение, заявляет Луначарский. До войны на народное просвещение затрачивалось в год 238 миллионов рублей из центра и 76 миллионов местных. В настоящее время затрачивается всего на всего 36 миллионов. Да и что во всем этом удивительного? Ведь весь государственный бюджет, исчисляемый в золоте, составляет едва один миллиард, и львиную долю его поглощает наркомвоен. Серьезное увеличение бюджета народного просвещения возможно лишь с улучшением общего хозяйственного положения, и дело народного просвещения упирается таким образом в тот же тупик экономической политики.

Когда с'езд пришел к концу, Сталин выступил с предложением образования «союза социалистических республик» — СССР. Четыре государственные единицы, которые входят в это об'единение, были и до сих пор подчинены центральному московскому правительству, и их торжественное об'единение, отмеченное с'ездом установлением нового праздничного дня, представляет на деле скорее урегулирование некоторых внутренних отношений в пределах РКП, чем действительный новый государственный союз. В названии его, в отличие от названий всех других государств, не указано, однако, к каким народам и к каким странам этот союз относится. Но это сделано, заявил Сталин, вполне сознательно. Было предложение назвать новое об'единение «союзом народов Европы и Азии». Однако, все сразу увидели, что этого слишком мало. Как быть с Африкой, Америкой, Австралией, когда и они пожелают вступить в советский союз? Перед лицом такого аргумента все склонились, и решено было открыть рамки союза для народов всего мира, жаждущих, как известно, немедленно к нему присоединиться; решено было назвать его просто «союзом социалистических советских республик».

Если отвлечься от этого пустозвонства и этой шумихи, — урегулирование отношений внутри составных государственных единиц России представляет несомненный шаг вперед. Целый ряд комиссариатов, канцелярий и учреждений, которых достаточно иметь по одному в Москве, прекратят свое существование в других областях. Целый ряд коммунистических сатрапов и сатрапиков, бесконтрольно хозяйничавших на окраинах, должны будут поискать другое применение своим административным талантам. Но от этого еще, как небо от земли, далеко до действительной федерации самоопределяющихся и свободных народов, и вся «реформа» ни в малейшей степени не отразится на взаимоотношениях национальностей России, и не даст им того самоуправления, которое немыслимо при нынешнем коммунистическом аппарате. Так многие, даже полезные сами по себе политические реформы, превращаются в условиях коммунистической диктатуры в мелочную ведомственную перестройку.

Конечно, и это предложение Сталина было встречено «шумными аплодисментами» и, разумеется, оно также было принято единогласно. Ни одного слова сомнения или критики. С'езд остался верен себе до конца.

Тот, кто хотел бы углубиться в этот вопрос о непрерывно аплодирующем и всегда единодушно голосующем с'езде, должен бы придти в тот же Большой театр за несколько дней до с'езда, в воскресенье 17-го декабря. Тут собрались в этот день коллегия ГПУ с сотрудниками и приглашенными гостями. Они праздновали пятилетие ВЧК.

«Наши враги — где они? Давно уже в царстве теней!» Так восклицал Дзержинский, герой этого дня и верный привратник того царства, о котором он рассказывал. Разумеется, он заявил, что упразднить орган борьбы с контр-революцией еще нельзя. Ибо остался враг — социал-соглашатели. О буржуазии, как враге, он, конечно, не упоминал — судя по отчету «Известий». Калинин дошел до того, что об'явил во всеуслышание: «все человечество должно сказать спасибо русской БЧК!» А Зиновьев решил перещеголять Калинина и рассказал своим слушателям, что ВЧК — самые популярные буквы в международном масштабе, — конечно, в среде международного пролетариата. И весь театр, битком набитый палачами и инквизиторами, взяточниками и мародерами, отвечал Зиновьеву громом аплодисментов.

. . . Тепло и мягко в Большом театре. Но за стенами его течет живая история революции, и в короткий период она творит новые ситуации, новые общественные движения и новые политические формы. И горе тем, кто не слышит, как она размывает фундамент послушных и безропотных квази-парламентов и устои их творцов — ВЧК и ГПУ.

Репарационная авантюра.

Крушение Парижской Конференции, на которой руководители политики Англии, Франции, Бельгии и Италии должны были сговориться о новом плане германских платежей, вызвало не только новую группировку европейских держав, но и развязало силы, которые в дальнейшем своем развитии могут поставить мир перед опасностью новой военной катастрофы.

Ровно год тому назад тогдашний глава английского правительства Ллойд-Джордж на конференции в Каннах провозгласил лозунг международной борьбы против глубокого экономического кризиса, раз'едающего европейское хозяйство. Французский национальный блок, поддержанный главарями стального треста (comité de forges) сразу же мобилизовал все силы против этой идеи Ллойд-Джорджа и сверг тогдашнего министра-президента Бриана, согласившегося на созыв международной Конференции. Конференция в Каннах лопнула. Но все же, несмотря на все препятствия, воздвигнутые новым главой французского правительства Пуанкарэ, несколько месяцев спустя была созвана международная конференция в Генуе, на которой впервые после мировой войны приняли участие представители Германии и России, содействие которых, по плану Ллойд-Джорджа, было необходимо, чтобы восстановить экономическое равновесие в Европе и открыть рынки центральной и восточной Европы для международной торговли, кризис которой чувствительнее всего отражается на народном хозяйстве Англии, изнемогающем под бременем громадной безработицы.

Генуэзская конференция кончилась безрезультатно, и в течение всего последующего периода выступило со все увеличивающейся наглядностью различие между английскими и французскими методами разрешения репарационного кризиса, этого центрального вопроса европейской политики. В то время как Англия, тесно связанная с мировым хозяйством и сильнее всех других стран страдающая от мирового экономического кризиса, смотрит на репарационный вопрос главным образом под экономическим углом зрения и готова даже, во имя разрешения этого кризиса, принести крупные материальные жертвы, Франция выдвигает на первый план империалистические тенденции, коренящиеся как в громадной политической мощи финансового капитала и тесно с ним связанного стального и угольного трестов, так и в силе французского милитаризма, мечтающего о гегемонии на европейском материке.

Указанные тенденции французской политики, особенно наглядно проявившиеся в последнем году, конечно, никогда не получили бы такой силы в стране, если бы не существовало во Франции глубокого финансового кризиса, приводящего к возрастающей дефицитности государственного хозяйства и ставящего страну перед опасностью банкротства. Внутренняя задолженность Франции в настоящее время равна приблизительно ста миллиардам золотых франков, а задолженность ее Англии и Америке оценивается приблизительно в тридцать миллиардов золотых франков. К этой задолженности присоединяется еще и тот факт, что восстановление разрушенных областей северной Франции, несмотря на миллиарды, уплоченные уже Германией, потребует еще громадных затрат в виду того, что наибольшая часть репарационных платежей ушла на поддержку французского милитаризма или расползлась по карманам того слоя капиталистических спекулянтов, которые зарабатывают на репарациях так же хорошо, как на войне и революции.

На последнее обстоятельство еще во время парижской конференции очень энергично указывал генеральный секретарь французских профессиональных союзов Жуо в своем органе «Peuple». Он напомнил, что все старания французских и германских профессиональных союзов разрешить вопрос о восстановлении разрушенных областей на основе совместных практических действий натолкнулись на сопротивление капиталистических кругов, заработавших на репарациях миллиарды, в то время, как население разрушенных областей и поныне находится в отчаянном положении. Одновременно главное правление профессиональных союзов (C. G. T.) совместно с центральным комитетом французской социалистической партии опубликовало воззвание, в котором согласно с обязательствами, принятыми на себя на последнем международным конгрессом в Гааге, резко протестовало против политики французского правительства, подвергающей Францию упреку, что она или стремится к «замаскированной аннексии части германской территории или к разрушению государственного единства Германии».

Этот последний упрек в аннексионистских тенденциях основывается на очевидном стремлении вождей французской тяжелой промышленности захватить в свои руки рурский угольный район, чтобы воздвигнуть монополию французского треста, который в этом случае будет контролировать 64% производства железа и 69% производства угля на европейском материке. Точно также, как короли германской тяжелой индустрии во время войны мечтали об аннексии района Лонгви-Бриэ, чтобы создать монополию германского стального и угольного треста, французские магнаты железа и угля ныне добиваются присоединения рурского угля к богатым железным рудникам Эльзаса и Лотарингии.

Параллельно с этими тенденциями идут стремления французских милитаристов к окончательному присоединению прирейнской области (на левом берегу Рейна) к Франции, пользующейся на основании Версальского договора, правом оккупации этой области в течение 15 лет. Секретный меморандум председателя финансовой комиссии французской палаты Дариака, опубликованный недавно в германской печати, ясно доказал, что ныне господствующий во Франции «национальный блок» всеми силами стремится к тому, чтобы путем явной или замаскированной аннексии рейнской области придвинуть французскую границу к Рейну, чтобы таким образом обезпечить себя против возможной опасности возрождающегося германского милитаризма и новой войны.

Но упомянутое воззвание французских рабочих, совершенно правильно указывает на то, что политика «национального блока» имела последствием лишь то, что усилила в Германии националистическую и милитаристскую реакцию, укрепила противодействие капитализма и уменьшила шансы на получение действительных репарационных платежей. Ныне, после крушения Парижской конференции, стало очевидным, что главным препятствием к соглашению между планом Бонар Лоу и планом Пуанкарэ было стремление Франции получить контроль над германскими рудниками. По вопросу о сумме германских платежей соглашение между английским и французским планом могло быть легко достигнуто, если бы в вопросе о «продуктивных залогах» не выступало бы основное разногласие между политикой Франции и Англии.

Не говоря уже о том, что это разногласие вытекает из разнородного характера французского и английского капитализма, французского и английсокго финансово-экономического кризиса, важно в этом вопросе еще и то, что Англия в политике Франции усматривает лишь новый этап на пути создания французской гегемонии на европейском материке. Еще надням Ллойд-Джордж в одной из своих статей, направленных против Версальского договора, клеймил французский милитаризм, как угрозу европейскому миру. А политика Франции

на Ближнем Востоке, поддержка ею кемалистской Турции, ее тесная связь с «малой антантой», особенно с Польшей, и ее последние заигрывания с Италией яснее ясного показывают глубокое противоречие между политическим курсом Франции и Англии.

После крушения Парижской конференции не подлежит сомнению, что Антанта переживает глубокий внутренний кризис. В своей борьбе против все усиливающейся гегемонии Франции Англия вынуждена искать помощи у Соединенных Штатов и стремиться к блоку англо-саксонских государств. Тот же Бонар Лоу, который был встречен хвалами французской печати, как друг Франции, не только вынужден продолжать политику своего предшественника, но и резче чем он отгородиться от империалистических тенденций французской политики. Давление экономических фактов, усиленное еще обостряющимся движением безработных, оказывается сильнее, чем те или другие националистические симпати дипломатов министров. А сознание, что, укрепившись на Рейне, Франция явится не только военной угрозой, но и опасным экономическим конкурентом для Англии, заставляет консервативного министра-президента резче, чем вечно лавировавший Ллойд-Джордж, выступить против французского союзника.

В этой борьбе Англия ищет и находит поддержку Соединенных Штатов, вынужденных активней вмешиваться в европейскую политику. Правда, и теперь эта активность еще не велика. Но все сильнее сказывается давление фермеров, добивающихся расширения европейского рынка для вывоза хлеба, на правительство и парламент. С другой стороны, все конкретнее вырисовывается п р о б л е м а п о г а ш е н и я м е ж д у с о ю з н ы х д о л г о в, ключ к которой находится в руках Соединенных Штатов. До сих пор американское правительство оставалось глухо ко всем предложениям связать репарационный вопрос с вопросом о междусоюзных долгах. Тут действовала не только боязнь материальных потерь, но и нежелание отказаться от могучего средства давления на европейскую политику, особенно на политику Франции. Но и здесь логика экономического развития должна заставить Америку отказаться от своей изолированности, особенно в виду того, что самостоятельное выступление Франции создало в Центральной Европе почву для новых военных конфликтов и экономических катастроф. Судя по всему, нельзя ожидать немедленной решительной интервенции ни со стороны Англии, ни со стороны Соединенных Штатов. Но вероятное крушение французских планов подготовит почву для совместного выступления англо-саксонских держав в репарационном вопросе, на сей раз в тесной связи с вопросом о погашении междусоюзных долгов и уменьшения вооруженных сил на европейском материке.

Таковы ближайшие перспективы в международной политике. Но пока вся политика Западной Европы находится под дамокловым мечом нового острого конфликта, чреватого самыми неожиданными последствиями. Следует иметь в виду, что выступление Франции вызвало сильное национальное брожение в Германии и отодвинуло на задний план все внутри-политические вопросы. Совершенно правильно воззвание французских рабочих указывало на то, что политика Пуанкарэ — на руку лишь германской р е а к ц и и. Это заметно не только по более вызывающему тону буржуазной печати, особенно правого крыла, но и по тому, что в некоторых социалистических органах опять, как в 1914 г., раздаются голоса, призывающие к «единому национальному фронту». Надо надеяться, что здоровое пролетарское чутье и опыт проклятой войны помогут выдержанному социалистическому ядру германского рабочего класса преодолеть рецидив национализма. Но пока-что, все грехи германского капитализма, способствовавшего своей спекуляцией на понижение марки, своей политикой саботажа и экономического обессиления государства обострению репарационного вопроса, отодвинута на задний план и за спиной захваченных новым национальным угаром народных масс опять торжествует победу капиталистическая и политическая реакция.

Нужна вся сила и энергия сознательных рабочих, чтобы удержать за собой все теперешние позиции и подготовить почву для того, чтобы рабочий класс, после резрешения внешнего кризиса, вышел победителем из неминуемой борьбы с буржуазией по вопросу о переложении репарационного бремени на плечи имущих классов.

А. Штейн.

„Красная интервенция".

Громом из ясного неба для заграничных рабочих и, особенно, для к о м м у н и с т и ч е с к о й части их явились «милитаристские» откровения Бухарина в его програмной речи и програмных тезисах, внесенных на последний конгресс Коминтерна.

Ново в этих откровениях не то положение, что с переходом власти в руки пролетариата радикально меняется отношение его к так называемой «з а щ и т е о т е ч е с т в а». Среди социалистов и не-реформистского крыла могут быть споры насчет того, с достаточным-ли правом то или иное «отечество» претендует на звание пролетарского; могут быть споры и о том, исчерпывается-ли обязанность рабочих активно участвовать в отражении вооруженного нападения лишь теми случаями, когда нападению подвергается отечество «пролетарское»; могут быть, наконец, и не безосновательные сомнения в правильности самой постановки абстрактного вопроса о «защите отечества» вместо конкретного анализа исторического содержания тех «отечеств», о вооруженном столкновении которых идет речь, и тех социальных интересов, которые ими покрываются и претендуют на «защиту». Но совершенно бесспорно для революционного социализма обязанность не только национального, но и международного пролетариата — всеми доступными ему средствами о б о р о н я т ь пролетарское, социалистическое государство в случае нападения на него какой либо из капиталистических держав.

Бухарин, однако, не ограничился высказыванием этой самоочевидной истины. Его доклад и его тезисы метят гораздо дальше. Они претендуют формулировать от имени Коминтерна и в руководство его партиям целую т е о р и ю м и л и т а р н о г о н а с а ж д е н и я с о ц и а л и з м а, теорию своего рода крестовых походов, огнем и мечем распространяющих свет истинной коммунистической веры.

Коммунистический Манифест указал пролетариату задачу — «завоевать весь мир». Завоевать... Но разве можно сделать это иначе, чем «с помощью штыков и винтовок»? — догадывается Бухарин. А если так, если мир надо «завоевать» для социализма штыками, то «пролетарское отечество», буде таковое об'явится или само себя об'явит, имеет право не только на оборону, но и на наступление — на «к р а с н у ю и н т е р в е н ц и ю». Поскольку же его собственных сил для такой вооруженной интервенции недостаточно; поскольку оно неспо-

собно справиться со всем капиталистическим миром сразу, — оно вправе заключать *военные союзы* с одними капиталистическими странами против других, чтобы таким образом по частям искрошить твердыни капитализма. И пролетариат не только «пролетарского» отечества, но и всех других, обязан поддерживать такую *наступательную войну* пролетарского государства. Более того: в случае военного союза этого государства с буржуазным, пролетариат всех стран одинаково обязан «*содействовать победе блока обоих союзников*». Иначе говоря: пролетариат той капиталистической страны, которою правители «пролетарского отечества» вздумают воспользоваться для военного утверждения социализма, но которая, в свою очередь, постарается околпачить это «отечество» в целях наступательного империализма, — обязан, по призыву своего, буржуазного правительства, беспрекословно браться за ружье, встать на позиции «*социал-патриотизма*»; наоборот, пролетариат той страны, которая подвергнется об'единенному «коммунистическо-империалистическому» нападению, обязан без оговорок усвоить тактику активного «*пораженчества*»; и, наконец, обязанности пролетариата «нейтральных» стран заключаются во всемерном содействии «обоим» союзникам пропагандой, деньгами, изготовлением вооружения и т. д. и т. д.

Русская большевистская печать *замолчала* эти части доклада и тезисов Бухарина. Ее примеру последовала и заграничная коммунистическая пресса, так что, например,немецкая «Роте Фане» и до сих пор ничего не поведала своим читателям. Но блокада молчания была прорвана французским «Пробуждением народа», органом коммунистической федерации Луары, где Фердинанд Фор, один из французских делегатов на последнем конгрессе Коминтерна, напечатал подлинный текст доклада и тезисов Бухарина. После этого и «Юманите», две недели отмалчивавшаяся на ядовитые вопросы социалистической и профессиональной печати, вынуждена была довести до сведения своих читателей о Бухаринской «теории», сопроводив, впрочем, ее краткое и крайне смягченное изложение оговоркой, что «теория» эта составляет пока личное достояние Бухарина, так как она не подтверждена еще ни российскою партиею, ни всем коминтерном в целом. Однако, эта оговорка лишь подчеркнула смущение, вызванное в рядах коммунистов Бухаринскими откровениями. Ибо, с одной стороны, слишком хорошо известно, что Бухарин выступал по вопросу о программе именно как докладчик от РКП (да и не мог бы выступать иначе!), а, с другой целая группа виднейших французских коммунистов, ныне с протестом выступивших из партии (Ф. Фор, Виктор Мерик, П. Лафон, Пиош и др.), печатно засвидетельствовала, что, хотя Бухаринские тезисы и переданы на окончательное обсуждение будущему конгрессу, но расширенному Исполкому Коминтерна дано право «в случае настоятельной необходимости» об'явить их обязательными *и к немедленному руководству*. И лишь после этих разоблачений среди припертых к стене французских коммунистов нашлось у большевиков услужливые друзья вроде бывшего патриота-капитана, а ныне левого из левых Трэнта, с пеною у рта защищающие новую теорию «пролетарского, красного *классового империализма*!»

По правде говоря, и эта история не нова. Она отбрасывает кое какие фиговые листки — вроде «народного восстания», призывающего Красную Армию, и т. п. — и открыто провозглашает право «пролетарского» правительства на *наступательную войну*. Но, по существу, она лишь систематизирует и подводит идеологический фундамент под то, что уже неоднократно *делалось* большевиками. Ведь, тот самый Радек, который, судя по напечатанным протоколам, не удержался от острого словца по адресу Бухарину, воскликнув, что устами последнего говорит «шеф полка», сам, на том же 4-ом конгрессе Коминтерна, признал, что война с Польшей в 1920 году была переходом Советской России «от обороны к наступлению» (см. «Изв.» 17 ноября 1922). Еще раньше, на Берлинской конференции, он интересами овладения нефтью оправдывал военную оккупацию Грузии. С точки зрения «классового империализма» он мог бы, вероятно, не мало интересного порассказать и о других военно-дипломатических предприятиях советского правительства на востоке и западе, и, наконец, в его выступлениях в Гааге звучали те-же самые ноты, что и в докладе Бухарина.

Но если бы вообще речь шла лишь о *теоретическом* значении Бухаринских тезисов, то на критику их, с марксистской точки зрения, не стоило бы тратить и двух слов. Но что привлекает к ним сугубое внимание международного социализма, так это именно их *практическое* значение, как выражения тенденций, давно уже проскальзывающих во внешней политике большевистского правительства, но за последнее время отливающихся в систему.

Еще 2-3 года тому назад на страницах журналов, издававшихся Наркомвоен'ом, пропагандировалась мысль о том, что решительная битва мировому империализму должна быть дана «на Рейне», и печатались статьи такого столпа советского милитаризма и коммунизма, как Фрунзе, с прославлением военного наступления («об единой военной доктрине»). Это, как и кое какие подозрительные связи с реакционными националистскими и милитаристскими кругами Германии, могло казаться лишь случайным и досадным эпизодом. Но с тех пор определенно наметилась линия так называемой «активной политики», не установившаяся окончательно, ориентирующаяся еще в *разные* стороны, но недвусмысленно выходящая за пределы задач самообороны и всюду *ищущая* комбинаций и союзов, которые в данной обстановке не могут не быть союзами «военными» и не могут не представлять лишней угрозы миру.

Все еще помнят знаменитое февральское интервью Радека и одновременные статьи в «Известиях», прозрачно намекавшие на возможность возобновления франко-русского союза, в котором советская Россия, в обмен на помощь в борьбе с Англией, могла бы — ну, конечно, в интересах мировой революции! — «быть полезна», как выражался советский оффициоз, Франции в Турции и Персии, с одной стороны, в Германии, с другой. Лозаннские интервью Чичерина, как и более ранние, в которых он подчеркивал значение России, как «великой военной державы», то и дело снова затрагивают эту тему*). Это — одно направление, в котором зондирует почву большевистская «активная политика». А другое — о нем поведали с трибуны Гаагского конгресса Криспин и Вельс, рассказавшие о домогательствах союза с Германией, направленного против Франции. И, наконец, — вся линия «турецкой» политики большевизма и позиция советской делегации в Лозанне:

---

*) В одном из этих интервью Чичерин, между прочим, выражал сожаление, что во Франции осталось неоцененным согласие советской делегации на пропуск в Черное море военных судов такого тоннажа, который точно соответствует тоннажу новостроящихся французских крейсеров.

отказ от подписания (пусть недостаточного, как недостаточны все такого рода договоры вообще, но не вредного же с точки зрения сохранения мира?) договора о не-нападении с теми окраинными государствами, которые были приглашены на конференцию о разоружении; и т. д. и т. д.

Советская дипломатия еще не установила окончательной ориентации своей. Она еще «ищет». Да и предполагаемые партнеры ее не очень то торопятся схватить протягиваемую ею руку. Она может утешать себя — и, в лице своих «идеалистов» наверное утешает! — тем, что все это делается, в конечном счете, в интересах «мира» и торжества «пролетарской революции». Но, когда такая подозрительно-авантюристская игра ведется в условиях той полной политической неустойчивости, в которую снова ввергнут мир, в условиях фактического распада Антанты, перегруппировки империалистических держав и возможных смут и волнений, в условиях, которые в своем дальнейшем развитии могут создать обстановку, когда так легко «ружья сами начинают стрелять», — то никто, и в том числе само советское правительство, не может сказать, куда заведет его, перед какими «совершившимися фактами» поставит его в конце концов эта неосторожная игра.

И если именно эти тревожные дни докладчик Р. К. П., отождествляющей себя с Советским правительством, выбирает, чтобы не только формулировать свою «теорию» «красной интервенции», но и конкретно напомнить, что «мы уже достаточно сильны, чтобы иметь возможность заключить военный союз с любым буржуазным правительством», — то ни русские, ни заграничные рабочие не могут отнестись к этому оффициальному выступлению Бухарина, как к невинной игре ума «коммунистическуго Веньямина», а должны спросить себя, куда ведут они революционную Россию, какую проповедь несут они в послушные им коммунистические отряды Европы.

Значение Бухаринских тезисов в том, что они резко и определенно ставят этот вопрос.

Ф. Дан.

Внешняя торговля и промышленный протектционизм.

Только что закончившийся X с'езд советов снова подтвердил незыблемость монополии внешней торговли. Вот уже свыше полутора лет, как руководящие круги советской России осуществляют в области внутренней торговли — НЭП, а во внешней торговле — государственную монополию. Отказавшись внутри страны от идеи — поставить на Красной Площади одну общую миску, из которой каждый гражданин Советской России должен хлебать свои щи (образное выражение одного из ответственных коммунистов), — признавши необходимым во внутренней хозяйственной жизни развязать инициативу отдельных государственных хозяйственных единиц, кооперации и даже частных лиц, — во внешней торговле — продолжали строить монопольный централизованный апарат. Аппарат — по идее призванный удовлетворять потребности всех отраслей промышленности, сельск. хозяйства, культуры, науки, искусства, медицины, и потому на практике — никого неудовлетворяющий.

Государственная монополия проводилась настолько строго, что ни один пуд не мог быть вывезен или ввезен без специальной лицензии, выдаваемой НКВТ. Вся операция покупки или продажи должна была производиться только органами НКВТ. Специальный циркуляр НКВТ устанавливает, что осуществление экспорта или импорта даже государственными органами (напр. вновь создавшимися трестами) помимо аппарата НКВТ, карается, как государственное преступление.

Все эти месяцы «командующая высота» внешней торговли была всецело в руках государства. Опыт проделан был в самом чистом виде.

В общей и специальной советской прессе имеется не мало итогов этой работы. Причины неудачи наиболее крупных общегосударственных нефтяных, лесных и угольных концессий лежат, конечно, за пределами монополии и метода ее осуществления. Они в слабой приемлемости для капиталистов всех хозяйственных и политических методов большевизма. Но даже средние и мелкие промышленные концессии на отдельные заводы, рудники, даже торговые концессии, смешанные общества, консигнационные склады и другие формы эксплуатации, финансирования или длительного кредитования — не выходящие за пределы советского права, признанные и узаконенные — осуществляются в ничтожном размере исключительно из-за бюрократичности, громоздкости, медлительности и безхозяйственности соответствующих государственных органов.

Коммунисты признали необходимость привлечения иностранного капитала, понимают, что вне этого нет выхода из хозяйств. тупика, готовы на существенные жертвы капиталистической алчности; иностранные капиталисты, со времени НЭП'а, понемногу приходят в себя от воспоминаний о национализациях и экспроприациях, медленно, но начинают примиряться с своеобразием советского права и готовы вступить с Советской Россией в торговые отношения, согласны иногда даже во имя завоевания русского рынка предоставить длительный кредит, конечно во имя большой прибыли и обеспечив себя большим % на ссужаемый капитал.

Казалось бы... обе стороны взаимно заинтересованы... Но ирония государственной централизованной монополи! Предложения поступают в государственную машину. Она начинает медленно переваривать их в своем чреве. Появляются преполны. Требуются справки. Разрабатывают статистические данные. Запрашивают заинтересованные ведомства. Документы составляются, переписываются, иногда теряются, вновь возобновляются. Неделями ждут очередного доклада, месяцами утверждения. А за это время — изменяются часто хозяйственная ситуация, цены ,условия. Инертность громадной бюрократической машины на практике сильнее творцов ее, — сильнее специальных приказов «сильных мира советского» о срочности. И в результате из 250 концессионных проектов, признанных принципиально приемлемыми, утверждены только 25*). Фактически к работе, к эксплуатации, к экспорту, к импорту приступили только 5**). Возьмите любой № «Экон. Жизни» и вы прочтете сообщения о десятках наивыгоднейших предложениях иностранных капиталистов. И после 1½ лет оказывается в работе только 5!

Монополия внешней торговли и централизованный аппарат для осуществления ее были созданы коммунистами во имя теоретически правильной задачи: уменьшить неизбежно-пассивный баланс русской внешней торговли, внести планомерность, рациональность и очередность в совершаемые разоренной страной операции. Каковы же итоги экспорта и импорта? За 9 мес. 1921 г.**) — ввезено товаров на 187,5 милл. руб. (цены 1913 г.), вывезено — на 10 милл. руб.; за 9 мес. 1922 г. ввезено — 223,6 милл. руб., вывезено — 50 милл. руб. Ничтожны сами размеры и экспорта и импорта. Экспорт равен лишь 5%, а импорт — 22% оборотов 1913 года. Пассивность баланса хотя и несколько в % отношении и уменьшилась в 1922 г., но оставалась угрожающей для всей хозяйственной жизни страны. Анализ состава импорта даже 1922 года, когда массовые закупки продовольствия для голодающих были невелики, вызывает острую тревогу. В 1913 году — на ввоз сырья и полуфабрикатов из Англии и Германии падает 53 % всего импорта; в 1922 г. — из этих же стран мы ввозим лишь 11% — сырья и полуфабрикатов, увеличив соответственно ввоз готовых изделий и продовольствия. Принцип торжественно возвещенный коммунистами: всемерно развивая экспорт, ввозить в страну лишь то, что востанавливает ее народное хозяйство и главным образом промышленность, оказался разбит практикой, несмотря на самую суровую государств. монополию.

---

*) Речь Каменева — X с'езд советов.

**) Данные «Экон. Жизни» №№ 270, 271, 277, 279.

Даже в тех областях, где об'ективные условия вполне давали эту возможность, монополия не сумела оберечь интересы самых основных отраслей нашей промышленности. Несколько примеров, по данным советск. гос. органов и прессы.

Наши металлические заводы ограничивают производство из-за недостатка железа и чугуна. Производительность чугунолитейных заводов = 4% довоенной, железоделательных 7½%. А НКВТ в это самое время осуществляет вывоз железолома заграницу. Вывез уже один милл. пудов, вывез бы еще около4 милл. пуд., если бы не протест с'езда по металл. промышленности, оценивший эту операцию, как преступную.

НКВТ усиленно занимался вывозом шерсти из России. Вывозились различные сорта. Нужны были усиленные ходатайства синдиката «Шерсть», устанавливающего полную гибель на многие годы тонкорунного овцеводства в России, чтобы вывоз тонких сортов шерсти был прекращен. Фабрики остались с запасом на 1½—2 мес. и тот же НКВТ вынужден выдать им разрешение на ввоз 300 000 п. шерсти. В настоящее время под такой же угрозой шерстян. фабрики в отношении грубой шерсти. «Шерсть» уверяет, что, если даже удастся собрать всю намеченную по плану грубую шерсть — то излишек ее в стране всего 100 000 пудов. А НКВТ наметил к вывозу один милл. пудов.

На вывоз льна НКВТ за октябрь и ноябрь выдал разрешений на 1600 т. п., а одних заявок уже имеет свыше чем на 6 милл. Между тем, по свидетельству автора статьи в № 277 «Экон. Жизни»: «Подумайте о своих фабриках» при наиболее благоприятных результатах сбора льна — фабрики обеспечены лишь на 6 мес. Ради сохранения в стране единственно еще имеющегося текстильного сырья*), автор настаивает на запрещения вывоза.

Специальное постановление Госплана устанавливает катастрофическое положение табачной промышленности, имеющие запасы сырья лишь на год, причем посевы в 1921 г. = 10%, а в 1922 г. = 4% довоенных. В связи с этим постановлено закрыть ряд фабрик, а на работающих уменьшить производство. В это же самое время НКВТ уже вывез 100 000 пудов и наметил к вывозу еще 160 000 лучших сортов табаку. Табачный синдикат бьет тревогу, Госплан запрещает. НКВТ переносит вопрос в СТО, а пока продолжает вывоз.

Спешно закупаются заграницей паровозы. Работает специальная комиссия Ломоносова. Вокруг этих покупок сосредоточиваются все надежды на восстановление транспорта. Тратятся сотни миллионов золот. рублей на покупку, миллионы на комиссии, экспертизы, уполномоченным и т. д. И вдруг... оказывается, что русские паровозо-строительные заводы останавливаются из-за отсутствия работы, и ВСНХ требует передачи им заказов, с которыми они по его заявлению прекрасно справятся. И даже будто-бы значительно дешевле чем заграницей. После этого протеста СТО спешно запрещает сдачу заказов на паровозы заграницу. Комиссия Ломоносова спешно ликвидируется.

Укрвнешторг заказывает заграницей 40 000 плугов. Затем Уркпромбюро этот заказ аннулирует по протесту представителей заводов сельско-хозяйственных орудий, которые работают лишь в 0,1% своей довоенной производительности. И это называется план монопольно осуществляемый! Размеры статьи не позволяют привести десятки столь же разительных примеров, доказывающих, что ни плана, ни учета интересов русской промышленности не было. Жили от случая к случаю, руководствовались «коммунистическим здравым смыслом».

Кроме всего, торговый аппарат НКВТ работает медленно и небрежно. Срочные заказы Московского трамвая, водопровода, газового завода сданные свыше года тому назад, еще до сих пор не выполнены. От несвоевременного выполнения заказов сокращают или прерывают свое производство заводы Резинового треста, Москвотоля, Графо и т. д. Сезонное оборудование доставляется после сезона (Северопатока) Лен отправляется несортированный, дурного качества («Э. Ж.» № 277). Машинные части покупаются не тех марок, не тех размеров и т. д. и т. д.

Десятки раз ГПУ, ревизия, Ревтрибунал — устанавливали «злостный саботаж». Карали. А воз все там же. Ибо причина не в злоупотреблениях, она в системе.

*) Хлопка в стране имеется всего на 6 мес. Необходимо ввезти не менее 2 мил. пуд.

Деятельность НКВТ восстановила против себя даже законопослушные гос. органы. ВСНХ, НКЗем, синдикаты, отдельные тресты хоть робко, но все же попытались защитить интересы своих организаций и указали на необходимость пересмотра принципов внешней торговли. Ничтожные размеры нашего экспорта и грозное положение ряда основных отраслей промышленности заставили задуматься даже и центральные органы. В печати появились сведения о новых планах, о радикальных изменениях. Наконец, 16 октября ВЦИК издал новый декрет. Государственная монополия сохраняется, но кроме НКВТ предоставляется право экспорта и импорта и отдельным государственным органам по списку утверждаемому СТО. Лицензионная система — наиболее тяжелый элемент пережитого периода внешней торговли — сохраняется в полной мере. Кроме того, за НКВТ сохраняется право запретить любую сделку любого госоргана.

Гора родила мышь. Декрет не принес никаких принципиальных изменений. Конечно признание положения, что государственная монополия — это не монополия НКВТ, создание заграницей более мелких, более специализированных представительств трестов, синдикатов — некоторый шаг вперед. Но право НКВТ разрешать каждую сделку, утверждать цену и продавца — будет на первых порах сводить на нет и это ничтожное улучшение. Конечно, возможность для отдельных иностранных фирм вступить в непосредственные деловые отношения с их потребителем, а не с безликим аппаратом Торгпредства, закрепить за собой заказы того или иного треста и на будущее — значительно облегчит условия расплаты, создает в некоторых случаях даже возможность кредита, но и тут декрет, запутавшись в противоречиях Нэп'а, вносит существенное ухудшение. Каждая договорная сделка, совершаемая на началах кредита, должна иметь пункт, по которому государство не берет на себя ответственности за совершенную сделку. После ряда ревизий и судебных разбирательств ВЦИК или НКФ не склонны нести материальную ответственность за нравы обычные для русских гос. хозяйственных единиц — это понятно. Но еще более естественно, что иностранные капиталисты даже не думавшие об ответственности государства за какой нибудь металлический завод или московскую аптеку, — в испуге отказываются от кредитования, когда читают пункт, по которому государство предостерегает от доверия к кредитоспособности данной хозяйственной единицы. Но это лишь характерные мелочи. Главный порок декрета — это сохранение госуд. монополии и всех старых методов. Он не удовлетворил никого. Даже «бунтующих» хозяйственников-коммунистов. Это понимает и Замнарком Р. К. И. Аванесов, только-что вернувшийся после ревизии заграничных представительств. В № 281 «Экон. Жизни» он говорит: «и надо сказать, что последнее постановление ВЦИК хозяйственников не удовлетворило».

Необходим отказ от государств. монополии и переход к системе регулирования. Только свободная частная и кооперативная энергия и инициатива способны быстро увеличить наш экспорт. Личная заинтересованность быстро соберет, умело двинет экспорное сырье из самых глухих деревень, откроет скрытые запасы и с выгодой продаст сырье на заграничном рынке. Для восстановления целого ряда технических предприятий и сельско-хозяйств. культур (шерсть, хлопок, табак) нужен многомиллионный многолетний кредит; только личная энергия может разыскать, привлечь и заинтересовать иностранный капитал. Тоже в отношении импорта. Нужно открыть двери на заграничный рынок каждой хозяйственной единице независимо от того, государственная она или частная. Русское народное хозяйство после пережитых лет нуждается в столь быстром и столь разнообразном восстановлении своих производственных сил, что это возможно только путем развязывания инициативы и энергии каждого треста, фабрики, кооператив. организации или частного лица. Игольная фабрика лучше и быстрее чем НКВТ найдет корбундовые камни необходимого размера и типа, макаронная фабрика — части к лопнувшим прессам и т. д.

Мельничный трест или кооперативное об'единение легче получат кредит необходимый им для переоборудования износившихся мельниц, пекарень или картофельно-паточных заводов. Частная заинтересованность привлечет необходимые капиталы внутри страны, разыщет и привезет в Россию целый ряд новых технических изобретений, усовершенствований и приспособлений.

Но избегая Сциллы, нужно суметь обойти и Харибду. Отказ от государственной монополии — не означает свободную внешнюю торговлю. Страна истощенная, во всем нуждающаяся, очень слабо и дорого производящая, страна с обесцененной валютой — не может открыть свободно свои границы. Это принесло бы полный хаос, обнищание и гибель страны. Монополию необходимо заменить системой регулирования. Государство предоставляет каждому вести торговые операции на внешнем рынке. Но одни виды товаров государство навсегда или на время запрещает к экспорту или импорту, другие товары разрешает ввозить или вывозить лишь по системе контингента (т. е. в определенном количестве и ассортименте) при чем взимается определенная таможенная ставка. На все же остальные товары государство устанавливает определенную систему ввозных и вывозных тарифов. Такая система существенно отличается от современной. Не утопия, стремящаяся удовлетворить государственным монопольным аппаратом все многообразные потребности страны и человека, а развязанная коллективная и частная инициатива и энергия. Не произвольные, случайные и бюрократические разрешения каждой отдельной сделки, а система таможенных тарифов и, главное, запрещение операций лишь с отдельными видами товаров. Не налоговой пресс, со случайными таможенными ставками, — а целая система таможенной политики, ставящей своей задачей в первую очередь охрану интересов народного хозяйства и лишь затем уже интересы фиска.

На ближайшую эпоху русская таможенная система должна быть системой промышленного протекционизма. Русская промышленность сейчас меньше чем когда-либо в состоянии конкурировать и количеством и качеством своих изделий с заграничными фабрикатами. Некоторые отрасли имеют только орудия производства (фабрики, станки), но не имеют сырья, некоторые виды технических культур совершенно погибли, хотя и имеют все материальные условия для восстановления. Гибкость таможенной системы даст возможность путем повышения или понижения ставок, путем разниц на полуфабрикаты и готовые изделия, путем введения системы премирования, — охранять и даже подымать целые отрасли промышленности. Но в то же время таможенный тариф должен быть построен по сложному принципу: дать такие ставки, которые, охраняя русские фабрики от иностранной конкуренции, будили бы у них угрозой иностранного, более дешевого товара здоровый стимул к уменьшению издержек производства, к улучшению технического производства и т. д.

В противоположность колебаниям, которые имеются в коммунистической среде (прения между Сокольниковым и Лариным на с'езде крупной промышленности) мы полагаем, что для того, чтобы Россия возродилась, как промышленная, а не как аграризированная страна, — необходимо в основу всей хозяйственной политики и в частности таможенной, положить принцип покровительствования промышленности в первую очередь. Само собою разумеется, что во всех тех случаях, когда восстановление той или иной отрасли требует либо громадных издержек и дает продукт по исключительно высокой цене или потребует длительного периода, необходимо делать из'ятия в интересах скорейшего поднятия производства в промышленности и в сельском хозяйстве. Конечно, размер ставок в интересах потребителя должен быть по возможности минимален, но мы уже выше писали, что этого же требуют правильно понятые интересы промышленности. Кроме того, необходимо, не гоняясь за интересами фиска установить минимальные тарифы и даже совсем их снять во всех тех случаях, когда допуск дешевого иностранного товара существенно повышает культурный и материальный уровень широких народных масс, не угрожая в тоже время интересам основных отраслей русской промышленности. Заботливое отношение к интересам массового потребителя — второй принцип, которым нужно руководиться при построении таможенной системы.

Сознание того, что покровительственная таможенная система великое оружие в руках государства, гораздо более действительное, чем госуд. монополия (с неприкосновенностью методов которой как-то пытается совместить таможенную систему X с'езд советов), что таможенные тарифы должны быть не прессом Н.К.Ф. — а одним из основных устоев всей хозяйственной жизни страны, — все чаще проникает и в среду советских органов. Но пока еще доклады с такими мыслями сдаются в комиссию, как спорные (докл. В. Громана в Госплане о русско-герман. торгов. договоре) а статьи отмечаются, как дискуссионные (ст. Потяева — «Эк. жиз.», № 298).

Между тем время не ждет.

Основной порок коммунистов, со времени их отступления, что основные их реформы осуществляются запоздало.

Как во внутренней хозяйственной жизни, вступив на путь НЭП-а, коммунисты в область торговли вместо того, чтобы сразу отступить и закрепиться твердо на позиции государственного регулирования продолжали еще вначале клясться верностью монополии торговли, затем стали говорить что-то невразумительно о свободе местного оборота, затем пытались устанавливать очередность свободы оборота: государств. органы, кооперация, а затем лишь частное лицо. На практике же были смяты стихией рынка. Страна на долгие месяцы оказалась во власти такой разнузданной свободы торговли, какой не знает ни одна капиталистическая страна. Только в последние месяцы стали спешно создавать органы регулирования (Комвнуторг, Мосвнуторг и т. д.), которые пока еще в большинстве случаев делают лишь безуспешные попытки ввести стихию в русло.

То же роковым образом может повториться в области внешней торговли. Развивающиеся в стране капиталистические отношения разорвут искусственно связывающие их оковы госуд. монополии. Через дозволенные сегодня к открытию несколько десятков представительств трестов и торгов, через все растущую контрабанду*), услугами которой не гнушаются пользоваться зажатые в тупике государств. органы, используя все возможности, все уступки, все щели, — товарное хозяйство стихийно сорвет рогатки и принесет стране большие бедствия, если во время не будет подготовлена плотина.

Конечно, самая совершенная система промышленного протекционизма будет бесплодна, если одновременно промышленность внутри страны будет продолжать работать в тех условиях бюрократизма, бесхозяйственности и общего политического бесправия, в каких она находится в настоящее время. Введение промышленного протекционизма без одновременного уменьшения исключительно высоких издержек производства, какие являются сейчас в России обычным — потребовало бы таких высоких таможенных ставок, что, закрепив высокие цены на изделия русских фабрик, свело бы к минимуму самую возможность потребления их главным русским потребителем крестьянином. А продолжающиеся бесконтрольность и самовластие бюрократии превратило бы покровительственную систему, контингентирование и другие необходимые меры лишь в новую удавную петлю для производства и новое орудие обогащения для нэпманов. **А. Югов.**

Ответ критикам.

В статьях тт. Кучина и Аронсона, при всем различии их основного устремления, имеется одна общая существенная черта. Оба они стараются доказать, что вся тактическая позиция партии за время с конца 18 года определялась положением о вероятности близкой победы западно-европейского пролетариата и о возможности для России в случае этой победы, избежать реставрации капитализма. Причем тов. Аронсон с особой настойчивостью стремится всю внутреннюю борьбу в русской социалдемократии свести к этому основному вопросу.

«Тактические расхождения среди русских социалдемократов», говорит т. Аронсон, «определялись различным пониманием характера русской революции». Отказ от последовательного демократизма, ограничение прав и свобод одними трудящимися и прочие наши тактические грехи — все вытекало из нашей концепции европейской революции, воздействующей на ход революции рус-

*) Потяев — начал. таможен. управления в № 298, «Эк. Жиз.» сообщает, что контрабандный ввоз превышает по своим размерам ввоз через все таможенные пункты.

ской. В свою очередь, т. Кучин на счет той же концепции относит и якобы «принципиальное признание советизма», и неправильную формулировку требования независимости профсоюзов, и признание того, что мы стоим с большевиками «на одном классовом базисе», и, вообще, соглашательство по отношению к большевистской диктатуре. Оба авторы ухитряются отнести на счет неправильной концепции мировой революции даже характер нашей борьбы против террора, которая, по мнению т. Аронсона «вылилась в морализирование и придавала позиции партии... оттенок толстовщины», а, по мнению тов. Кучина, сводилась к «либеральным воплям по поводу террора»*). Но так как я, говоря по чистой совести, в данном случае, никак не могу понять, чего хотят оба товарища и по какому случаю гневаются, то вопрос о борьбе с террором мы оставим в стороне.

Итак: все наше соглашательство, столь обличавшееся нашей партийной оппозицией, вытекло из неправильной концепции всемирной революции и ее возможного влияния на революцию русскую, и внутри-партийная борьба, столь обостренная в течение некоторого времени, вертелась, по существу, вокруг вопроса о правильности этой позиции.

Так ли это, однако?

Настолько не так, что приходится удивляться явной потере памяти обоими товарищами

«До наступления германской революции», говорит т. Аронсон, «в наших рядах, в общем, господствовало единство понимания характера революции». Ну, а в тактических взглядах в это время господствовало-ли такое же единство? Как известно, этого не было. Как известно, с первого же дня большевистского переворота, тактическое расхождение между левым и правым крылами партии стало более глубоким, чем было расхождение между оборонцами и интернационалистами в течение всего 1917 г.

Уже через несколько дней после переворота 12 членов нашего Ц. К. вышли из его состава, обвиняя эту коллегию в политике «соглашательства» по отношению к большевикам. На партийном с'езде в декабре 1917 г. правое крыло самым решительным образом отвергло всякую борьбу на почве советской системы, участие в советах и выборах в них. Политике «соглашательства» — то есть, борьбы за восстановление единого революционного фронта рабочих и крестьян, правое крыло противопоставило политику союза с буржуазией в целях восстановления попранной большевиками демократии. В то время, как мы — до германской революции! — смотрели на большевистский переворот, как на фазу крестьянско-мещанской революции, наше правое крыло попросту об'явило этот переворот «контр-революцией».

В этот именно период — до германской революции! — разыгралась наиболее ожесточенная борьба внутри партии: вступление Майского в правительство Комуча, бурный протест правых против исключения его из партии центр. комитетом; протесты против исключения из партии участников ярославского восстания, Дюшена и Савинова, участие в Симферопольском земско-городском совещании, раскол Петербургской организации и т. д. и т. д. Процесс разделения партии на два крыла уже закончился, когда наступила германская революция и партийное большинство сделало из нее выводы в духе вышеупомянутой концепции.

*) Как пример этих „либеральных воплей“, т. Кучин приводит мою речь на конгрессе независимых в Галле в окт. 1920 г.

А наши — партийного большинства — грехи против духа святого? Они все или почти все были совершены именно в этот период. Признание, что мы стоим с большевиками «на одном классовом базисе» и что именно потому для нас неприемлема гражданская война против них, подсказало то решение, отвергающее всякое «свержение», которое последовало еще летом 1918 года. А отказ от выставления лозунга Учредит. Собрания? Ведь, он совершился также более, чем за полгода до германской революции. Когда последняя наступила, то тактика партии по отношению к большевистской революции уже, в общем и целом, сложилась, и принятие концепции о возможном взаимодействии русской и европейской революции отразилось лишь на экономической платформе партии, побудив ее более решительно, чем она это делала в 1918 г., выступать против лозунга: «назад к капитализму».

Это настолько бесспорно, что ряд товарищей, совершенно не разделявших названной концепции, с т. Далиным во главе, полностью принимали всю политическую позицию партии со всем ее «соглашательством».

Да и в самом деле: для того, чтобы отвергнуть методы восстания в борьбе с большевизмом, и коалиции с буржуазными партиями против них; для того, чтобы признать обязательность для партии поддержки большевиков в их борьбе против Колчака и Деникина, — для всего этого разве необходимо было признать возглавляемую ими революцию такою, которая может стать социалистической? Нисколько. Ибо если — как мы принимали в 17—18 г. — большевистский переворот был окрашенной в цвет утопизма отсталого пролетариата революцией крестьянско-мещанской, возглавляемой пролетариатом, то тогда для пролетарской марксистской партии могла быть по отношению к такой революции лишь одна политика: критикуя ее утопизм и борясь с вытекающими из него реакционными чертами в политике, поддерживать эту революцию против контр-революционных сил и быть готовой к прямому союзу с ней («соглашение»), буде условия этого союза дадут социалистическому пролетариату возможность сохранить свое лицо и воздействовать на революцию в направлении к ее освобождению от утопизма и реакционных черт. Так именно мы и смотрели еще до германской революции (повторяю: лозунг «от эн-эсов до большевиков» был формулирован и расколол партию уже в октябрьские дни!). На этом разошлись два основных течения партийной мысли. Формулированная нами после германских событий концепция могла укрепить это расхождение: она его не создала.

Ну, а уступки «советской системе»? не явились ли они, по крайней мере, результатом наших надежд на развитие российской революции в социалистическую?

Это было бы сколько нибудь верно, еслиб партия когда нибудь признала, что «советская система» — взамен демократии — есть специфическая политическая форма социалистической революции. Но именно это партия, во всех своих, программного характера, заявлениях, категорически отрицала. В апрельских тезисах 1920 г. это отрицание формулировано совершенно ясно: советы не есть «высшая форма демократии», в которой должна осуществиться диктатура пролетариата. Когда в 1919 г. партийный комитет в одном городе пытался повести свою агитацию под лозунгом «вся власть советам!», противопоставленным диктатуре Р. К. П., то наш Ц. К. пригрозил этому комитету исключением и оповестил о том по партии:

в том же году мною, по поручению Ц. К., была написана — также разосланная по партии, — статья о самоликвидации так наз. партии интернационалистов (Лозовский), в которой проводилась мысль, что партия эта безудержно покатилась к большевизму с того момента, когда стала принципиально на почву «власти советов».

Напоминаю об этих фактах, потому что тов. Кучин пишет: «И все более начинало казаться, что «советскую систему» мы начинаем уже признавать не как факт, а как принцип»... Это могло казаться только тому, кто смотрел сквозь очки предвзятой враждебности к позиции большинства партии.

Только такой предвзятостью можно об'яснить, что тов. Кучин оспаривает утверждение т. Дана, что мы всегда стояли на почве демократической республики. «Конечно, это не так Последовательная демократия сначала передвигалась в придаточное предложение резолюций, а затем исчезла».

Вопрос в том, что понимать под сущностью «последовательной демократии». Мы, как революционные социалисты, заявляли, что анти-демократичность советского строя не в том заключается, что около 5% населения — бывшие буржуа и помещики — лишены избирательных прав. Не в абсолютности избирательного права критерий демократизма. Франция остается демократической (но недостаточно демократической) республикой, хоть в ней половина взрослого населения лишена избират. права (женщины). Сущность демократии в возможности властного выявления воли народного большинства; сам по себе, советский ценз, если он лишает прав около 5% взрослых граждан, не мешал бы — не совсем точному, но приблизительно — верному — выявлению этой воли большинства. Поэтому, мы не считали возможным противопоставлять «советскую республику» — «демократической» в том смысле, что демократической является лишь та республика, где и помещики, и капиталисты, и священники имеют равные политические права. Мы в тех же апрельских тезисах 1920 г. (и в других документах) высмеивали большевистский предрассудок об ограждении интересов пролетариата и крестьян лишением кучки эксплуататоров избирательных прав, мы указывали на нелепость и бесцельность такого ценза, но мы в то же время заявляли, что возвращение избирательных прав имущим классам — да еще в разгар гражданской войны, — не может стать боевым лозунгом социалдемократии. Им могла быть лишь замена большевистской диктатуры демократическим строем — хотя бы и на основе советского ценза, если на этой почве легче достигнуть единства мнений среди трудящихся масс. Ибо наличный «советский строй» являлся и является антидемократическим потому, что в нем нет свободных выборов, что избиратели не равноправны, что народное представительство безгласно и безвластно, что правительство безответственно, а все граждане лишены элементарных политических прав. Выдвигая лозунги «свободных выборов», ответственности правительства и политических свобод, мы тем самым стояли на почве демократической республики и никогда с нее не сходили, хотя бы и намечали, как исходный пункт преобразования наличные учреждения — советы и хотя бы временно согласились принимать «советский ценз». Понятно, что т. Аронсон в своих утверждениях заходит еще дальше т. Кучина. «Лозунг трудовластия, ограничения политических прав, свобод только для трудящихся (даже только для социалистов) были в эпоху 1919—1920 гг. самодовлеющими, полнощенными лозунгами, на почве которых партия принципиально стояла». Не иначе утверждают и буржуазные противники социал-демократии. Это не мешает тому, что приведенные слова т. Аронсона коренным образом противоречат истине. В разгаре гражданской войны, когда все буржуазные партии находились «по другую сторону баррикады», было вполне естественно, что в наших воззваниях мы говорили: дайте равные права всем социалистическим партиям, не упоминая о других. Для партии Деникина требовать свобод в то время, как Деникин подходил к Москве, было бы, пожалуй, несвоевременно. Я, впрочем, и не слыхал, чтобы наши правые товарищи в Ростове или Одессе, борясь за свободу слова против правительств Деникина и Краснова, специально требовали этой свободы для коммунистов, чья красная армия приближалась к Ростову и Одессе... Но в программных наших заявлениях мы совершенно недвусмысленно выдвигали свободу для всех. В декабре 1919 г. на 7 с'езде советов пишущий эти строки огласил декларацию ц. к.-та, вызвавшую весьма страстную реплику Ленина. В декларации требовалась свобода собраний, союзов, печати и неприкосновенность личности для всех граждан.

Говорить при таких условиях, что партия «принципиально стала на почву ограничения прав»... я отказываюсь об'яснить себе побуждения, руководившие при этом тов. Аронсоном. Пусть шумный успех, который имела его статья в буржуазной печати и среди ренегатов социализма, научит его быть осторожнее, когда говорит, как никак, все же о своей партии.

Но партия признавала «трудовластие»? Грешным делом, мы и сейчас его признаем. Мы и теперь стремимся к тому, чтобы власть в стране из рук большевиков перешла в руки трудящихся классов, которые, при правильном понимании своих интересов, могут добиться этой власти демократическим путем. Мы и сейчас надеемся добиться того, чтобы в российской демократической республике капиталистическим партиям пришлось оставаться «в оппозиции». Эту нашу склонность к «власти трудящихся» не одобряет и тов. Кучин. Еще раз напомним, что это разногласие датирует с конца октября 1917 г., когда мы выдвинули лозунг «от эн-эсов до большевиков», а противная нам фракция стремилась восстановить коалицию с буржуазией на том простом основании, что ежели мы признали революцию буржуазной, то во главе ее должны стоять буржуа... Я надеюсь, что и теперь партия, вырабатывая новую платформу, сохранит лозунг «власти трудящихся», т. е. будет звать решающую в России силу — крестьянство — об'единяться в демократической республике не с капиталистической буржуазией, а с пролетариатом.

Тов. Кучин в «власти трудящихся» усматривает «сотрудничество классов». Это сотрудничество, которое началось еще в февральские дни 1917 г., когда крестьянин — солдат пошел за рабочим, — сотрудничество социалистического пролетариата с демократическим революционным крестьянством, — ни в каком противоречии с заветами марксизма не стоит. Еще в 1871 г. Маркс полагал, что еслиб парижской коммуне удалось связаться с крестьянством, то последнее пошло бы рука об руку с пролетариатом. Надо думать, что Марксу не претило такое «сотрудничество классов» на почве революции. Завязавшееся в России в 1917 г. и подготовленное всем революционным движением сотрудни-

чество пролетариата с передовым крестьянством было ослаблено политикой коалиции с буржуазией, чем воспользовались большевики для «использования» крестьян, как им казалось, для установления диктатуры пролетариата, на деле же — для установления своей олигархической диктатуры. «Военный коммунизм» разорвал всякую связь между двумя классами трудящихся, но его банкротство дает пролетариату снова возможность бороться за «душу крестьянина» с новой буржуазией, которая будет пытаться ее завоевать. Непосредственной целью этой борьбы может быть только переход власти в государстве в руки действительной демократии — трудящихся классов. Еслиб социалдемократия, во имя отрицания «сотрудничества» с не-капиталистическим классом содействовала тому, чтобы этот последний превратился в политическое «быдло» для капиталистической буржуазии, то подобная «чисто-классовая» политика, ныне очень в моде у крайне-правых социалдемократов, очень походила бы на фактическое сотрудничество с капиталистической буржуазией.

Все равно, говорит тов. Кучин, виноград зелен. Крестьянство теперь менее всего склонно идти с рабочими, оно «насыщено собственническими настроениями» и гораздо меньше сочувствует пролетариату, чем в 18 г., когда на Россию шли Деникины.

Удивительное дело! Когда мы в то время заговорили о союзе пролетариата с крестьянством, то т. Кучин и его единомышленники утверждали, что это — утопия: крестьянство-де зоологически ненавидит город и пролетариат, и отныне может быть только враждебным последнему. В тот момент, действительно, комбеды и продотряды создали пропасть между двумя классами. Мы отвечали: это может измениться. Что это изменилось, теперь признает и т. Кучин, констатируя, что совместная борьба с Деникиным вновь создала на время их союз. Но уже теперь, заявляет он, кончено! Теперь их пути уже разойдутся. А между тем, если неизбежное политическое самоопределение крестьянства пойдет в сторону демократии, как оно пошло и в Латвии и в Эстонии, и частью в Польше, то вновь и вновь будут создаваться плоскости общих интересов между ним и единственно способным последовательно бороться за демократию классом — пролетариатом.

Не сказывается ли в этих повторных пессимистических перспективах, сулящих русскому пролетариату полную изоляцию, «желание-отец мысли»? Желание скорее выйти на узенькую тропиночку, в стороне от общенациональных задач и бурь, чтобы потихоньку да полегоньку творить свое «чисто-классовое» дело? Мы уже отметили эту тенденцию в тезисах партийного совещания, насквозь проникнутых предпосылкой изоляции пролетариата. Сам тов. Кучин предостерегает от упрощения весьма сложной современности, и он совершенно прав. Но он сам не чужд такого упрощения.

В революционную эпоху выхода на узенькие тропиночки не дано. Надо ходить по тем большим дорогам, которые проложены историей.

Не стану далее останавливаться на отдельных неверных положениях наших критиков. Сказанного достаточно, чтобы совершенно отмести сведение различных политических течений в партии к вопросу о «русском социализме» и чтобы констатировать, что и с устранением спора о последнем, основы политической платформы партии сохраняют свое значение (если, разумеется, не утратили его в силу новых каких нибудь фактов действительности). И пересмотрев свою экономическую программу в связи с переоценкой международной революционной ситуации, партия должна будет попрежнему отвергнуть такие методы борьбы за демократию, которые об'ективно должны привести к победе контр-революции, должна стремиться к тому, чтобы при установлении демократии пролетариат приобрел максимально возможные государственные позиции, должна отвергать, в виду этого, коалиции с буржуазными партиями и стремиться к союзу с организованным крестьянством.

И, разумеется, партия не обрадует тов. Аронсона, не последует его совету ввести в свою программу «восстание». С этой проповедью т. Аронсона не найдет много сторонников и в «правом» лагере. А пока он не показал нам, какие, по его мнению, об'ективные условия обеспечивают или хоть делают вероятным, что это восстание не будет гражданской войной внутри рабочего класса и не послужит подмостками для сил контр-революции, — до тех пор нам с ним и спорить нечего.

Л. Мартов.

НА ПУТИ К ЕДИНСТВУ.

Заседание „Комитета 10-ти“ в Кельне.

Согласно решению совещания обоих Интернационалов в Гааге, 5—6 января в Кельне должно было состояться заседание «Комитета 10-ти», посвященное вопросам организации Гамбургского конгресса.

За день до назначения срока в Кельне собралась «венская» половина «десятки» (Абрамович, Адлер, Брак, Криспин, Уолхэд) для предварительного обсуждения выработанного Ф. Адлером проекта «обращения» к международному пролетариату. В дебатах выяснилось полное единомыслие в основных пунктах, так что Адлеровский проект с некоторыми изменениями был признан общим проектом 5-ки.

5-го числа началось общее заседание 10-ки, на которое явились представители II-го Интернационала Вандервельде, Вельс, Стаунинг и Том Шоу. — Гендерсон не мог прибыть в виду выборной компании, которая началась в его избирательном округе.

Том Шоу своего особого проекта «обращения» не представил, так что в основу обсуждения был положен проект Адлера.

Дебаты сосредоточились вокруг вопроса о «порядке дня» конгресса и «условиях допущения» на конгресс. По первому вопросу, решено было пополнить порядок дня, предложенный Адлером, пунктом «о борьбе за 8-час. раб. день» (предложение герм. делегации).

По второму вопросу было внесено предложение пополнить «условия допущения» требованием обязательства подчиняться всем решениям будущего Интернационала. Тов. Абрамович от имени Загр. Делегации, внес и защищал предложение, чтобы допущение на конгресс обусловливалось согласием признать образуемый Интернационал «высшей и решающей инстанцией при международных и меж-национальных конфликтах».

Большинство, соглашаясь, в общем и целом, с этими двумя предложениями по существу, не считало, однако, возможным поставить их, как предварительные условия для допущения на конгресс. По мнению этих товарищей, только сам конгресс может своим решением, после исчерпывающей дискуссии, придать этим положениям достаточную моральную силу.

В результате было решено, указанных предложений в число«условий допущения» не включать, но зато внести

их на конгресс в качестве предложения «десятки».

Перейдя затем к «введению» и «заключению» обращения, и внеся в них ряд изменений и сокращений, совещание в конце-концов единогласно приняло (на нем. и франц. языках) приводимое ниже «обращение», в основном совпадающее с Адлеровским проектом.

После этого совещание вместе со специально вызванными из Гамбурга товарищами обсудило ряд чисто — организационных и технических вопросов, связанных с конгрессом, который обещает быть грандиозным по своим размерам.

Опасаясь, что такие крупные партии, как германская или английская пришлют огромные делегации, которые своей численностью оттеснят на задний план менее крупные партии и страны, и опираясь на опыт до-военных конгрессов, совещание постановило ограничить максимальное число делегатов от одной партии 50-ью. В общем же, принять на каждые 3000 организованных членов по 1 делегату. Тут же было оговорено, что эти нормы представительства не относятся к русским соц. партиям или венгерским и др., которые из-за господствующего в их стране террора вынуждены вести нелегальное существование.

Особые дебаты развернулись по вопросу о приглашении на с'езд професс. союзов.

Принятый в I и II Интернационалах смешанный модус (партии и профсоюзы) сложился исторически под влиянием английского рабочего движения, которое базировалось на мощных тред-унионах, при относительно ничтожных размерах соц. партий.

Между тем теперь, по заявлению английских представителей, политическое представительство рабочего класса сложилось в Англии, в лице Labour Party в достаточно влиятельную и самостоятельную силу. Так как, помимо этого ,сейчас, в отличие от прежнего периода, самостоятельный профессиональный Интернационал (Амстердам) уже сложился, то остается лишь сконституировать отдельный же политический Интернационал.

Против этого был выдвинут аргумент, что именно проявившееся за последнее время (в частности, в Гааге) некоторое отчуждение между проф. и полит. организациями заставляет искать путей для сближения этих двух ветвей раб. движения, и общее участие в Гамбурге может в этом смысле сыграть положительную роль. В результате решено было, строя конгресс как политический, принять формулу приглашения: «социалистич. партии и рабочие организации», которая не закрывает дверей и для професс. союзов, если последние пожелают участвовать в конгрессе.

След. заседание 10-ки решено было устроить в Кельне же, в конце марта. Оно займется обсуждением некоторых резолюций, предлагаемых конгрессу, в частности, организационного статута будущего Интернационала.

* * *

В виду тревожного политического положения, созданного в Европе срывом Парижской конференции и угрозой занятия Рурского бассейна, «Комитет 10-ти» прервал свои очередные занятия для обсуждения политической ситуации. После краткого обмена мнений и заслушания докладной записки Вельса об употреблении взимаемых с немецкого народа репараций целиком не на нужды восстановления разрушенных областей, а на содержание оккупационной франц. армии, совещание приняло резолюцию, выработанную Вандервельде, с поправками Абрамовича. —

* * *

Вечером 6-го числа в Кельне состоялся созванный местной организацией Об'ед. Соц. Партии многотысячный рабочий митинг, на котором с огромным успехом выступали Брак, Вандервельде, Т. Шоу, Абрамович и Вельс.

Особенно горячо рабочие встретили т. Брака, изложившего в простых и искренних словах чувства французских социалист. рабочих в этот момент и указавшего на невозможность для них реагировать на политику Пуанкарэ так, как им бы этого хотелось.

Обращение „Комитета 10-ти“.

К социалистическим рабочим партиям всех стран!

Социалистический Интернационал был разрушен войной. Вместо него создались, с одной стороны, изолированные социалистические партии, с другой стороны, группировки партий, охватывающие лишь части мирового пролетариата.

Это состояние организационной раздробленности уменьшает боеспособность рабочего класса и искусственно углубляет в его среде разногласия по вопросу об условиях и возможностях борьбы в ближайшем будущем.

В данной мировой политической ситуации такое положение означает для пролетариата величайшую опасность. И потому, под повелительным давлением жизни, в рядах сознательных рабочих различных направлений все сильнее и сильнее проявляется стремление об'единить все пролетар партии на основе единого понимания задач и единого д ствия. Но в то же время всем ясно, что создание идеальн рабочего Интернационала, в одно и то же время и всеоб'ем щего и единого в области программы, не может быть ществлено одним ударом; оно может явиться лишь резул том долгой и неустанной работы.

В последние годы войны и первые годы после прекра ния военных действий в рядах социалистов обнаружили глубокие разногласия как по вопросу о методах пролетар освободительной борьбы, так и в области оценки перспе революционного развития.

Но сейчас мы переживаем совершенно иную фазу развит Реакция со дня на день усиливает свои аттаки как в по тической, так и в экономической области. Общее наступле буржуазии наиболее яркие формы приняло в Германи и в Италии (фашизм), но оно ведется и во всех дру странах. В этой ситуации главной задачей для пролетари является концентрация всех своих сил, для того, чтобы п тивопоставить проискам реакции сплоченную и боеспособн оборону.

Если в предыдущую эпоху рабочее движение стояло знаком дифференциации, то сейчас оно идет под зунгом собирания сил. Эти две фазы развития более ярко проявились в развитии германской социа демократии. Но и почти во всех других странах, к торых в период революционного под'ема произошел ра социалистического движения, ныне завершился или си приблизился к завершению процесс воссоединения.

Лишь те партии и группы партий, которые именуют коммунистическими, сознательно противодействуют об'еди нию рабочего класса; они не хотят разрешать существую между течениями разногласия в рамках единой пролетар организации, а готовы итти на любой раскол боеспособн рабочих организаций, если ждут от этого малейшей поль для своей коммунистической фракции или для полит московского правительства.

Исходя из таких настроений, московские вожди ком низма, сорвали в последний момент попытку созыва ми вого конгресса Исполкомами Лондона, Москвы и Вены тех пор трудность сговора с Московским Интернацион еще сильнее возросла, благодаря непрерывным варварск преследованиям, которым большевики подвергают рус социалистов.

Было бы праздным занятием пытаться сейчас дела предсказания относительно того, когда именно созда возможность собрать весь мировой пролетариат на еди конгресс: тогда ли, когда коммунисты изменят свою такт по отношению к социалистическим партиям, или тогда, к коммунистические организации окончательно отомрут, это сейчас уже имеет место в некоторых странах. Ясно од что возможность созвать рабочий конгресс сообща с Ком терном, исчезла на долгое время.

После крушения майского опыта 1922 г. с Берлин конференцией нет никакого иного пути для приближения пролетарскому единству, как созыв общего с'езда ол только социалистических партий.

Исходя из этого, Исполкомы Лондонского Интернацио и Венского Об'единения образовали нижеподписавшийся митет с поручением сделать все нужные приготовления созыва

Международного Социалистического
Рабочего Конгресса.

Конгресс этот будет созван в **Гамбурге,** начнется **21 м 1923 года в 10 час. утра** и продолжится предположител 6 дней.

Указанный Комитет на своем заседании 5—6 янв 1923 г. в Кельне подробно обсудил все вопросы, связан с организацией конгресса, и предлагает следующий поря конгресса:

1. Империалистический мир и задачи рабочего класса.
2. Международная борьба против международн акции.
3. Борьба социалистических партий за 8-час. рабо день и международные социальные реформы.
4. Организация международного пролетариата.

Комитет в начале апреля с. г. опубликует свои предл ния к отдельным пунктам порядка дня конгресса, рачно и все предложения отдельных партий, которые до 10 ма будут присланы по адресу тт. Тома Шоу (Tom Sha 25 Victoria street, London SW. 1), или Фридриха Адл (Dr. Fr. Adler, Rechte Wienzeile, 97, Wien V).

Этим же товарищам партии, желающие принять учас в конгрессе, должны до 10 марта сообщить приблизител число своих делегатов. В качестве нормы представитель Комитет принял след. пропорцию: 1 делег. на каждые 3 членов партии, причем максимальное число делега одной партии определяется в 50.

Воссоздание Итернационала не может быть делом какого-либо Комитета или какой-либо группы партий, а жет произойти лишь в результате процесса взаимного при

жения социалистических партий одна к другой. Процесс при котором путем идейной борьбы должно быть достигнуто теоретическое единство, требует времени. Поэтому, Интернационал в момент своего возникновения не может явиться результатом установившегося единства взглядов всех представленных в нем партий, но он является из важнейших предпосылок для достижения та единства.

Обмениваясь взаимно своим политическим опытом, неустанно и совместными усилиями претворяя в практику общее понимание основных целей и методов международного рабочего движения, пролетарские партии будут во все возрастающей степени создавать необходимую основу для совместных действий всего мирового пролетариата.

Исходя из указанных соображений, инициаторы конгресса отказываются предвосхищать решения будущей международной организации и ограничиваются лишь попыткой очертить круг тех партий, которые в состоянии сейчас, с надеждой на успех, об'единиться для совместных действий.

Комитет приглашает к участию в Гамбургском Конгрессе социалистические партии и рабочие организации, которые:

1) признают необходимым уничтожение капиталистической системы производства для эмансипации пролетариата и видят в классовой борьбе средство для достижения этой цели.

2) видят в единстве профессионального движения, осуществляемого Амстердамским Профессиональным Интернационалом, необходимые условия для успешного ведения классовой борьбы;

3) принимают в качестве временной основы для борьбы против войны резолюции Гаагского Конгресса (1922) «о задачах раб. класса в борьбе за мир» и признают необходимость для пролетарских партий разных стран сойтись на общей тактике во время войны;

4) признают Интернационал не только инструментом мирного времени, но и необходимым орудием пролетариата во время войны;

5) обязуются, после образования социалистического Интернационала, не принадлежать ни к каким иным, — вне этого Интернационала стоящим, политическим международным об'единениям.

Все партии и организации, которые согласны участвовать в деле и неустанной работе, необходимой для подготовки пролетариата к общим международным действиям, мы надеемся встретить на Гамбургском Конгрессе.

Кельн, 6 января 1923 г.

Абрамович; Ф. Адлер; А. Бран; Э. Вандервельде; О. Вельс; А. Криспин; Н. Стаунинг; Т. Шоу; Р. Уолхэд.

Большевики на Востоке.

(Туркестанские впечатления.)

Был целый период, когда Туркестан жил совершенно изолированной жизнью, когда существовала так наз. «Оренбургская пробка» (созданная Колчаком). На свой страх и риск в сложной национальной обстановке местные головотяпы проводили тогда здесь доморощенный «коммунизм», не считаясь ни с чем, подводя всю жизнь под знак «красного террора». Снятие «Оренбургской пробки» (конец Дутовской армии) дало в Туркестан приток сил из центра; они несколько смягчили и причесали невероятно дикий облик местной политики, но она, конечно, осталась по существу прежней (уже по всероссийскому образцу) и существенно измениться не могла, вплоть до возвещения начал «новой экономической политики». Политика первого периода не только представляла из себя разгул террора, она являла то, что тем приобрело здесь типичное название «колонизаторства». В терроре и дикостях экономического утопизма, во всей этой местной невероятного разврата политике, и в систематических захватах, преследованиях местных баев (богачей), мулл и казиев (судей), и в кровавой борьбе с автономным Кокандским правительством в 1918 году, и во всех операциях, здесь, в чужой среде, российских воинских частей, и в примитивных настроениях местных диктаторов, — было своеобразное наступление на местную национальную жизнь, на местные интересы, насильственная и грубая попытка людей, слепо в угоду проводивших директивы русского далекого центра подчинить себе мир, лежавший у их ног. Не было царского режима, все как будто изменилось, — столкновение, в которое пришел со страной и ее народом новый местный большевизм, было по существу типично колониальное подавление национальных и общественных интересов отсталой окраины. В психике первых кадров туркестанского большевизма было достаточно мало места для понимания и признания интересов населяющих Туркестан национальных групп, чтобы стихийное движение протеста, которое поднялось на туркестанской почве, не приобрело бы характера национального возмущения и национальной самообороны — не только против «антикулацкого» и антикрестьянского направления коммунистической политики, но и против дикостей копирующего старый режим грубого «русского» централизма. Т. наз. «басмачество» (движение вооруженной повстанческой борьбы, от которой и сейчас не свободен Туркестан, особенно Ферганская область) и приобрело сразу характер национального движения, со своими вождями и идеологами. Но о нем дальше.

Коммунистическая печать Туркестана провинциально-откровенна, и в ней сейчас можно найти много превосходных оценок этого «прошлого». Отрыжка этого прошлого очень сильна и, повидимому, мучительна. В № 2 «Вестника Агитации и Пропаганды» (орган Фероблкома К. П. Т.) за февраль 1922 года находим, например, такую характеристику «первого периода»: «эта вражда кишлака (деревни) к городу, выросшая на экономической почве, окрепла и приняла четкие формы в первоначальной обстановке советского режима. Октябрьская революция в условиях российской колонии была воспринята, как новая форма дальнейшей эксплуатации туземных масс. Осуществляемая здесь компанией колонизаторов, темных паразитов и разного рода авантюристов, революция отпугнула от себя даже тех, наиболее сознательных туземцев, которые справедливо видели в новых лозунгах начало совершенно новой эры». «Все попытки немногочисленных рабочих организаций вложить в октябрьский переворот соответствующее содержание совершенно стирались в кошмарном хаосе беспардонных ограблений, насилий, издевательств диктаторствующего советского города над кишлаком, волею советских держиморд обреченного на все тягости контрибуций, конфискаций, принудительной трудовой и воинской повинности». В той же статье «старая» политика квалифицируется как проявление («до последнего времени») «головотяпской оценки местного хозяйства, сопровождаемой «продразбоем». («Практика новой политики», статья Ханифа Бурнашева.) Тут же находим выноску от редакции, в которой говорится: «В Фергане доходило до об'явления области отныне коммуной».

И это все счастливые граждане читают не в каком-нибудь «меньшевистском» листке, а в официальном органе коммунистической партии Туркестана! Даже способы проведения продналога в 1921 г. подвергаются критике. Газета «Красный Ферган» пишет, что «в минувшем году продналог так напоминал по существу и по формам взимания продразверстку, что в полной мере сохранилась инерция сокращения посевной площади, недостаточно добросовестной обработки и другие моменты, приведшие к голоду».

В определенный момент катастрофическое столкновение советской политики со всею местною жизнью в целом заставило забить отбой, причем не только в области экономической политики, но и в пункте политики национальной. «Колонизаторство» стало официально инкриминируемым государственным преступлением. Еще до этого поворота известный Сафаров начал борьбу с «колонизаторскими» настроениями Ташкента и в течение долгого времени вел неистовую политику в Семиречьи, со всем размахом «1918 года» наступая на «русских кулаков» и всю дикость большевистского утопизма, превратив в оружие демагогической защиты «туземного населения». (Еще и до сих пор в Семиречьи не усваиваются целиком начала новой экономической политики, происходят массовые, целыми поселками выселения русских крестьян, конфискация их земель, вселение на их место «по политическим соображениям» киргизских крестьян и т. д.)

С чем же коммунистическая партия Туркестана, как таковая, подошла к упомянутому поворотному пункту своей политики? — По последним официальным данным до чистки в КПТ было 49 206 чл., исключено 10 036. Осталось сейчас членов 29 146 чел., кандидатов 10 388. Из 29 тыс. действит. членов 15 тыс. туземцев и 14 тыс. европейцев. Кто же из туземного советского населения оказался втянутым в поры коммунистического механизма? — Бывшие торговцы, бывшие посредники и «доверенные», затем отвратительный элемент — те, кто служил и царскому правительству, туземные подхалимы — «переводчики»... Всеми ими наполнились коллегии советских учреждений и разные комитеты ком. партии. Очень часто приходится слышать на вопрос о том, кто стоит во главе той или иной профорганизации: «такой — то, бывший торговец». Вся провинциальная правительственная сеть пропитана этим мещанским ферментом. А в высших центральных учреждениях Туркреспублики сидят сарты, в европейских костюмах, сыновья именитых богатых людей, целиком связанные с бытом своей среды. Мелкая и средняя туземная буржуазия не только стихийно оказалась у государственного руля: к ней с момента перелома приспособляются, ее притягивают. Иметь сына богатого купца в Турцике — совсем не плохо, это ведь укрепляет положение органа среди туземной массы... Кстати сказать, нынешнее правительство Бухары, поддерживаемое сов. властью, представляет из себя власть местного крепкого купечества, во главе его стоит один из богатейших людей коммерческой Бухары.

Таковы политические плоды «восточной» экономики. Коммунистическая партия Туркестана, таким образом, является определенно не пролетарским организмом. Но мало того: мещанская масса ее осталась в нерушимом старом

своем быту. При крике муэдзина молча встают и уходят с собрания члены КПТ где-нибудь, скажем, в «старом» Ташкенте. В оживленные базарные дни в Туркестанских городах и городках во время необычайного скопления народа вы на площадях услышите не речи коммунистических ораторов, а темпераментные выступления ишанов и дервишей, сопровождаемые истошными завываниями их помощников. Прочен, как скала, этот религиозный и семейный быт. Бесправна и отсутствует во внешней жизни покрытая густым черным «чимбэт» женщина — сартянка. Ответственные члены компартии возвращаются с заседаний — в свой гарем, в недра правоверной мусульманской жизни....

Остались неизменными отношения глубокого социального неравенства в сартовской среде, и также бесправен труд сарта — раба российской колонии. В каждом городе есть упартком, КПТ и профсовет, и получают они те же бумажки, что и органы какой-нибудь Калуги или Вятки, но все это — декорации, где-то сбоку приленившиеся к тихо, но твердо плывущей, как глубокий незамутненный поток, мусульманской жизни. И газетчики КПТ не перестают кричать о слабости партии, о несознательности ее кадров и т. д., и т. д.

С таким багажом влачит свое существование «коммунистическая партия», с таким материалом она и подошла к последнему периоду. Жизнь заставила куда то повернуть от старого курса насилия и «колонизаторства». Сейчас эра «уступок». Их вырывает «восточная» жизнь, вырывает и пассивным свои сопротивлением и беспрерывной войной басмачей. Это своеобразное движение оторвало город от кишлака, оно изолировало власть от населения. Летучие отряды появляются, как из под земли; сегодня они превращают Фергану в арену кровавой борьбы, завтра — они в самаркандском районе[1] «Вожди» — часто люди с пафосом борцов за национальную свободу, часто — забубенные головушки. Красная армия воюет, конечно, в неблагодарных условиях. Этот противник неистребим. И война эта оригинальная, по крайней мере — теперь, в этот период перелома. «Разбойники» (а иногда они, правда, почти только разбойники) признаются силой, с которой разговаривают по всем правилам международного права. Сплошь да рядом об'являются мирные переговоры, совершается легальный переход на сторону сов. власти (с оставлением оружия), в Ташкентских «Известиях» печатаются статьи безукоризненно дипломатического тона... А потом — вновь внезапная измена, нападения, «операции» и т. д.[2])

Итак, в чем же «уступки», о которых кричат все советские газеты, расхваливая этот товар, уступки, вырванные жизнью? Тот же «Вестник агитации и пропаганды» (№ 2) заявляет: «Замечательное в нашей новой политике заключается в том, что мы бьем басмачество суммой тех самых сил и моментов, которыми оно раньше владело против нас.» Во всех резолюциях говорится о новой «умелой» и «осторожной» политике, покоющейся на учете «всех местных особенностей».

Председатель комиссии ВЦИК по турк. делам Гусев говорит об успешном «отступлении» на новые «верные» позиции, и эти «позиции» он формулирует: «Восстановление судов казиев и судопроизводства по шариату, восстановление вакуфов*), созыв совещаний и конференций казиев, мулл и представителей трудового декханства и т. п.» Все это, по мнению Гусева, вырывает почву из под ног басмачества, которое раньше прикрывалось лозунгами восстановления старых судов, свободной торговли (доклад Гусева на общегородском собрании КПТ в Ташкенте, «Известия», № 106, 1922 г., 17 мая).

И все чаще в коммунистических изданиях Туркестана вы встречаете радостные упоминания об успехах привлечения «влиятельных», «авторитетных» лиц из мусульманско[го] населения. Это — муллы, казии.

В цитированном выше Ферганском «Вестнике агитации [и] пропаганды» удовлетворенно говорится об «уступках, то[р]жественно провозглашенных и зафиксированных на облас[т]ном с'езде казиев, мулл и влиятельных лиц», о беспарти[й]ной конференции в городе Оше, где новая политика ра[з]яснялась «через казиев и мулл», специально приглашенны[х] («собравшиеся были очень довольны»). Наконец, в конц[е] мая устраивается расширенное заседание Турцика в стар[ом] городе (в Ташкенте), «в первых рядах сидят именитые ста[р]цы в праздничных одеждах»... Те же речи об уступках.

Итак, большевистская политика, потерпев страшный ра[з]гром и оказавшись бессильной перед толщами азиатско[го] общественно — экономического быта, докатывается тепе[рь] до «шариата», до «старых судов», до мулл, в качестве гла[в]ных агентов власти.... Но эта новая «либеральная» полити[ка], преследующая старое «колонизаторство» и требующа[я] от каждого туркестанского коммуниста прежде всего пре[к]лонения перед «влиятельными лицами» — муллами и ка[з]иями носит в себе своеобразные черты, которые требу[ют] особого внимания. Что из себя в сущности представляет вс[я] политическая система «автономной Туркреспублики»? — Рядом с местными ЦИК и СНК — всесильная «Туркомисс[ия] Всероссийского ЦИК» во главе с Гусевым; рядом с ЦККП — авторитетное начальство в лице Туркбюро ЦКРКП. [И] на местах повсюду среди мусульман, привлеченных на «по[]сты», фактически постоянную ответственную работу вед[ут] «европейцы» — русские. Конечно, эти русские коммунист[ы] на местах представляют такой же почти всегда чужд[ый] рабочему движению элемент (из бывших «служилых», пи[]сарей, торговцев), как и коммунисты — туземцы. Идейны[е] коммунисты тонут в этой массе. Туземные фигуры в уч[]реждениях почти повсюду — декорация... И повсюду — неизжитое противоречие между туземными элементами, ко[]торые в советском аппарате стоят за «своих», за «свое», [и] русскими, которые чувствуют себя чужими и не расстают[ся] по существу с «колонизаторской» психикой.

Внешне теперь царствует политика «мусульманизаци[и»]. Но под ее покровом — гусевщина наверху, и старая «ру[с]ская» струя на местах... Туркестан — старая колония с п[о]литически-пассивным отсталым населением. И инерция ст[а]рых отношений, старых прошедших давно годов действу[ет] в нынешней «советской» политике. Москва смотрит зорки[м] оком и давит, как и встарь, — теперь через Гусева, чер[ез] Туркомиссию ЦИК'а... Все вертится вокруг последней. [И] русская военная музыка звучит так странно и дерзко ряд[ом] с возгласами мулл, и великолепные галифэ рядом с чуж[]дыми халатами на азиатских улицах туркестанских город[ов] говорят о каких-то «колониальных» противоречиях.

Нынешний национальный «либерализм», сменивший п[о]литику дикого и открытого большевистского «колонизат[ор]ства», все более делается политикой национальной демагогии. Старые линии лишь завуалированы, и старые на[]строения живут с обеих сторон. Либерализм большевистс[кой] Москвы имеет все характерные черты любого буржуазно[го] либерализма в колонии. Такова об'ективная обстановк[а]. Коммунистическая партия не делает старых дикостей, н[о] она вообще уже не революционизирует массы, [не] толкает вперед ее развития. Большевистский режим не во[с]питывает отсталых масс, перед традициями которых он сей[]час демагогически склоняется. Он не дает той почвы демо[]кратии, на которой только и возможен выход из тьмы веко[в] на дорогу культуры, только и возможна борьба с отноше[]ниями неравенства и бесправия, борьба с колониальным со[]стоянием отсталых масс... Большевистский режим консе[р]вирует это колониальное состояние Туркестана, и по с[у]ществу неизбежно лживый характер носит вся торжествен[]ная «новая» политика...

И сейчас — мулла победил. Шариат нерушим. Так [в] уголке Средней Азии проводится мировая задача «восточно[го] пожара», провозглашаемая Коминтерном...

Невольный туркестанец.

[1]) Того же источника было движение Энвера — бея в Бухаре.

[2]) В конце лета 1922 после приезда Главкома Каменева, приступили к более решительным операциям против басмачей.

*) Земельное наследование церкви.

ПО РОССИИ.

С'езд Советов: Вычеркнуто из стенограммы:

На X С'езде Советов, прошедшем бледно и казенно, было два любопытных эпизода, исключенных из стенограммы.

Первый — создан неугомонным Лариным. Он выступил с резкой речью по докладу Сокольникова, об'ясняя губительную политику этого «молодого человека» тем, что им руководят «бывшие царские министры», Кутлеры и др., настоящее место которым в тюрьме, и т. д. Сокольников не остался в долгу, заявив, что Ларину место не в Большом театре, а в театре Корша, и напомнив своему критику его собственное прошлое — «ликвидаторство», сотрудничество в «Русских Ведомостях», и пр. и пр. В результате Ларин не попал в ВЦИК и получил 6 месячный «отдых».

Второй инцидент произошел между Каменевым [и] Смилгой. В своей речи Московский лорд-мэр сболтну[л], что «мы-де так сильны, что, если бы захотели, могли ве[р]нуться к «военному коммунизму», и ни одно стеклышк[о] не разбилось бы». «Хозяйственник» Смилга сиронизиров[ал] в ответ, что были бы разбиты не только стекла пенсне н[а] носу сановного оратора, но и собственная голова его. [З]а такую дерзость Смилгу тоже не похвалили.

Ленин, действительно, болен опять серьезно.

Суд правый.

В скором времени предстоит процесс над новой групп[ой] с. р. (М. Цетлин, Гельфгот и др.), из Ярославско[й]

...ы подавшей заявление о солидарности с подсудимыми по первому процессу.

Для положения суда характерно, что ни один политический защитник не берется защищать новых подсудимых: напуганы судьбой Тагера и Муравьева!

Москва. „Институт дворников".

Как известно, в „столицах" устанавливается сейчас институт дворников, подчиненных, как и раньше, полицейским властям. В Питере, как передают, будет 17 000 таких дворников, выполняющих все полицейские функции. Есть уже и инструкция: предписывается следить за всеми входящими, за образом жизни жильцов, за тем, чтобы не было „сборищ", предписывается срывать „недозволенные" воззвания и т. д. О, милая старина.

В Москве по вопросу о дворниках вышел интересный казус. Ц. К. союза коммунальников обиделся, что вопрос решен Моск. Советом без него, что без его санкции на дворников возлагаются „сверх" — урочные обязанности, они подчиняются милиции и т. д. „Дело" пошло в ход. Обсуждалось в М. Г. С. П. С. Там захотели поддержать Ц. К. коммунальников. Тогда дело передали в ... М.К.Р.К.П. И сие авторитетное учреждение, рассмотрев „полицейско-дворницкий" вопрос, отвергло притязания союзов и поддержало „хозяина города" — Московский Совет.

Расправа с инвалидами войны.

Вот точная копия небезинтересного документа:

„Предс. Сов. Нар. Коммис. В. Ильичу тов. Ленину.
Копия т. Калинину.

Инвалидов войны, проживающих в д. № 1 по Хлудовскому пер. при Учебно-производственной мастерской.

Заявление.

Мы нижеподписавшиеся инвалиды войны прибегаем к Вашей защите. Над нами произведен произвол. Неизвестно по какому приказу и на каком основании нас, как нам было об'явлено завед. секцией глухонемых и слепых тов. Совкиным, будут выселять из Москвы. Кроме того, когда мы начали протестовать на означенное решение, ссылаясь на то, что мы связаны с Москвой, кто семьей, кто по другим делам, нас видимо приравняли к взбунтовавшимся и ночью с 13 на 14 ноября с. г. к нам был прислан отряд конной милиции, который без всякого предупреждения срывал больных товарищей с постели и многих в одном белье бросали на автомобили. Конечно, без насилия не обошлось и были пущены в ход приклады, плети и др. приемы и даже были сделаны выстрелы. Все это было допущено над инвалидами труда и войны и самое главное — в свободной стране Р.С. Ф.С.Р., во главе которой стоит уважаемый наш тов. Ильич, к которому мы, зная его справедливость, и обращаемся с просьбой о принятии срочных мер к дискредитирующим власть своими действиями лицам, а также если есть приказ о выселении из Москвы инвалидов, об отмене такового, т. к., и без того несчастные, мы окажемся в провинции еще несчастнее и вдали от центра мы останемся без помощи". Следуют подписи.

Москва. Статистика проштрафилась.

В статистике — переворот. Ц. С. У. в вопросе о посевной площади дало маху. Ленин предписал — Попова удалить. Теперь лихорадочно ищут заместителя.

Одесса. Октябрьские торжества.

Как у нас в Одессе проводились эти „свободные" торжества? Вот несколько фактов.

По предприятиям и учреждениям водного транспорта Союз водников отдал следующий приказ: все безоговорочно должны явиться. Предместком лично отвечает за неявку каждого сотрудника.

На Ропите было обещано, что явившиеся получат белый хлеб, колбасу и вино (одну бутылку на двух). Явилось много народу. Обещанное выдали.

В Губрабкоопе 6 ноября комслуж издал циркуляр о том, что все служащие обязаны явиться в порядке профессиональной дисциплины к 10 часам утра 7 ноября и о неявившихся без уважительных причин будет сообщено в союз на предмет дисциплинарного взыскания. Под циркуляром всем служащим предлагалось расписаться.

В Совнархозе дошло до того, что комслуж предписал делегатам составить список коечных больных, абсолютно не могущих участвовать в шествии. Явившихся регистрировала особая „тройка".

В Мединституте тоже был разослан циркуляр, под которым все должны были росписаться. Именные списки дежурящего персонала, не могущего отлучиться, были затребованы в спешном порядке. Утром приходящих регистрировал ответственный представитель комячейки. Вся профессура была на лицо. Вечером начальство благодарило „красную профессуру" за „добровольную" явку.

Наконец, 6 ноября милиция внушала дворникам: если 7-го вы не вывесите красный флаг, — будет составлен протокол.

На заводе Электрошнур разыгралася история с лозунгами для заводского знамени. Частью рабочих на общем собрании были предложены лозунги: да здравствует мировое об'единение рабочего класса, да здравствует социализм! Эти лозунги были приняты, несмотря на то, что комячейка предложила свой лозунг: да здравствует компартия! Тем не менее преступные лозунги не были утверждены райкомом союза. Рабочие недоумевают: зачем было тогда собираться и обсуждать лозунги? Предписали бы сразу!

Нужно отметить также, что Ч. К. работала и в этот праздничный день. Как отмечает Бюллетень Одесского Комитета (№ 10), филеры продолжали следить за некоторыми социалдемократами.

Бахмут. Выборы в Совет.

В выборах в Горсовет, происходивших 20 ноября должны были принять участие союзы металлистов, горнорабочих, химиков, совработников и др. с общим числом до 3000 человек. На собрании в Народном Доме присутствовало не свыше 600.

В докладе избирательной комиссии указывалось, что, кроме коммунистов, никакие другие партии, разумеется, не могут принимать участия в выборах, т. к. они себя дискредитировали своими действиями. Но, если бы они и захотели попытаться мы, коммунисты, этого не допустим. Беспартийным настойчиво внушалось, чтобы они выбирали «честных товарищей, готовых защищать революцию» т. к., если под видом беспартийного «проберется» меньшевик, «мы его, все равно, не пропустим». При голосовании списка (все коммунисты, лишь в кандидатах 1 беспартийный) многие воздержались. На требование с мест подсчитать воздержавшихся, председатель заявил: пусть воздержавшиеся подадут записки. На это, разумеется, никто не решился, и на том выборы и кончились. Разошлись даже без пения Интернационала.

Рабочий.

Рабочая жизнь.

В Донецком бассейне.

Сейчас в Донбассе в наихудшем положении очутились металлисты. Летние кошмарные условия жизни горняков, когда жалованье не выплачивалось по 3—4 месяца, люди ели собак и кошек и началось повальное бегство рабочих, изменились несколько к лучшему. Ликвидирована задолженность за сентябрь. Новый коллективный договор на октябрь, ноябрь и декабрь обещает повышенные ставки. Правда, работа «вербовочной комиссии» не дала больших результатов, и многие вербовщики вернулись ни с чем: прошлогодний обман заставляет рабочих быть осторожными. Но положение оставшихшихся несколько обеспечено.

За то, как сказано, гроза нависела над металлистами. Проектируется закрытие Петровского и Макеевского заводов и перевод части рабочих на Юзовский завод Новороссийского общества. Неуверенность в завтрашнем дне вызывает страшную тревогу. Недоумевают рабочие, почему выбор пал на Юзовский завод, оборудованный хуже, чем Петровский: высокое начальство не считает нужным поделиться своими соображениями с массой!

Сейчас на Юзовском заводе работает 12.000 человек. Существует коллективный договор, но как он выполняется, показывают следующие факты. До 10 ноября рабочим не был выдан ни аванс, ни жалованье за октябрь. 12-го ноября рабочие одного цеха насели на директора завода Макарова, требуя об'яснений, почему не выполняется кол. договор, согласно которому аванс за октябрь должен был быть выдан не раньше 1-го и не позже 6-го, а жалованье между 15-м и 20-м. Между тем не только деньги, но и мука, которая должна была быть выдана уже за половину ноября, не получена еще за октябрь. Директор ответил, что мука уже прибыла, и он не знает, почему ее не выдали, а о деньгах — что рабочие, мол, слишком многого захотели, требуя получения в срок; когда получится, тогда и уплатят, а недовольные могут уходить, потому, что в рабочих недостатка нет: скоро закроются Петровский и Макеевский заводы, и оттуда можно будет брать рабочих сколько угодно. Рабочие обратились к представителю профсоюза Котову, бывшему как раз в тот день на заводе. Но Котов от вмешательства увильнул, ссылаясь на то, что деньги будто бы уже получены и в понедельник будут выдаваться.

Не удивительно, что, сталкиваясь ежедневно с таким отношением профсоюза к их нуждам, рабочие перестают интересоваться им, и в союзе царит такая же мертвечина, как и раньше. Вся кампания с «добровольным членством» свелась здесь к простому вывешиванию об'явления о том, что нежелающие числиться в союзе должны подавать заявление, и тогда с них не будут вычитаться членские взносы. Выполняется-ли это, уверенности нет, ибо такова практика нынешних контор, что рабочие совершенно не знают, за что с них

вычитают и сколько они выработали. Дают расписку в получении такой то суммы — и все. «Опутали нас совсем, не знаем, за что вычитают и сколько» — таков общий голос рабочих, а протестовать и требовать об'яснений они не смеют. Недавно выдавали, например, пиджаки, об'явив, что они будут стоить 6 миллионов. А теперь, когда подходит получка, конторщики заявляют, что вычитать будут по 50 миллионов. Нередки и такие случаи, что 2 рабочих одного цеха оплачиваются одинаково, и выходы на работу и забор у них одинаковы, а при получке один получает больше, другой меньше, и никто не может толком об'яснить, почему это, а в сознании рабочего еще крепнет мысль, что его «опутали».

Этими мелочами наполнена сейчас жизнь рабочих. Не удивительно, что на фоне общего тяжелого материального положения и бесправия в массах растет апатия. Сейчас происходят выборы в совет, и через некоторое время вы узнаете, конечно, что на Юзовском заводе во всех цехах прошли списки, выставленные ком'ячейкой: Но вам не расскажут, что, напр., в листо-прокатном цехе 10 ноября из 700 человек на собрании присутствовало 35—40. Никакой предвыборной агитации не было, и список, предложенный уполномоченным, прошел «единогласно». В других цехах картина такая же.

Но, когда собирается масса, всякое, сколько нибудь оппозиционное выступление против казенных ораторов встречается шумным одобрением. Так было, напр., на митинге по случаю октябрьской годовщины, когда рядовой рабочий Петров, всячески приветствовавший праздник, в конце своей речи отговорился, что рабочим теперь больше, чем когда либо; нужно сплачивать свои ряды, ибо рабочему классу придется еще бороться за свои насущные интересы и, возможно даже, «кое-кого свергать»... В ответ раздались дружные аплодисменты. За то коммунист Зайцев бешенно обрушился на несчастного Петрова, заявив, что его последние слова «занесены в протокол». Говорят, Петров арестован.

Юзовка, 13 ноября. **Друг.**

Одесса. Короткая расправа.

Райком Союза металлистов принимает отчеты о деятельности всех завкомов. Отчитывался и завком трамвайных мастерских. Присутствовавший секретарь ячейки мастерских указал, что завком не умеет работать, что он грызется с комячейкой и проч., и проч. Тут же райком постановил: завком трамвайных мастерских распустить. Назначена тройка (один коммунист, один сочком, один „честный" беспартийный). Понятно, такая тройка „грызться" с комячейкой не будет.

Одесса. История одного увольнения.

В мае с. г. член завкома типографии „Известий" т. Штерн (с. д.) был арестован. По освобождении для т. Штерна, конечно, старого места не нашлось. Рабочие типографии, в которой т. Штерн работал 17 лет, настояли на том, чтобы он все же был командирован союзом для работы в контроле при печатании газеты. Затем т. Штерн единогласно был избран в завком, но Союз его не утвердил. В Октябре открылась вакансия на место машинного наборщика, т. е. по специальности т. Штерна. Вместо того, чтобы дать ему это место, его уволили.

В типографии состоялось общее собрание для выяснения причин увольнения. С докладом по этому поводу выступил редактор „Известий" Ольшевец, который был цинически откровенен. Он сказал: Хотя я уверен, что мои слова будут пересланы Мартову, тем не менее я должен сказать, что т. Штерн все время мозолил мне глаза... Далее Ольшевец указал, что т. Штерн неприемлем для него, как политический противник, и он, Ольшевец, всегда искал повода к его увольнению: не может, мол, враг коммунистической партии работать в типографии коммунистического органа. Этот меньшевик, мол, передает за границу ненапечатанные в „Известиях" телеграммы. Но главное, что заставляет его уволить „агента Мартова", это то, что (передаем буквально) „его влияние чувствуется в каждом из присутствующих на собрании рабочих". В ответ ретивому и распоясавшемуся хозяину выступили некоторые рабочие, а затем и сам т. Штерн. Последний сказал, что лучшей наградой за его труды в типографии и в завкоме является то, что все рабочие с ним, а не с Ольшевецем и ему подобными.

Собрание единогласно приняло резолюцию с требованием отмены увольнения. Правление Союза не обратило внимания на голос рабочих и т. Штерн был выброшен из предприятия, с волчьим-билетом на руках.

Вскоре после увольнения местные чекисты проявили исключительную даже для них наглость: т. Штерна схватили на улице два суб'екта, повели в ГПУ. Там раздели и подвергли обыску с ног до головы. Затем извинились („недоразумение") и отпустили.

Такова доля рабочего в „социалистическом" государстве.

Тверь. Положение рабочих.

Рабочие сейчас необычайно терроризованы. Безработица, возвращение к голодному существованию 1918—1919 г. дамокловым мечем висит над рабочим. Рабочий цепляется за свое место — и пуще всего боится публично выказать свое нерасположение к „коммунизму". Но все же иногда нет-нет да проявится неистребимая оппозиционность рабочего. Так было на выборах в фабричный комитет Тверской мануфактуры. Несмотря на бешеную агитацию, разные махинации и насилия, коммунисты провалились, и прошли в комитет одни беспартийные. Но тут случилось одно из чудес, обычных в России: под угрозами увольнения, ареста и т. п. беспартийные один за другим сложили свои полномочия, и их места заняли кандидаты — коммунисты...

Выборы в правление кооператива текстильщиков были совсем безнадежны для коммунистов, но и тут они извернулись. За несколько дней до выборов правление старого состава (беспартийное) было предано суду по требованию отдела труда вследствие жалобы одной из служащих на чрезмерную эксплуатацию. Хотя всем было ясно, что все это подстроено, но цель была достигнута: в новое правление из старого состава попал только один. Остальные не захотели вновь избираться. Один-же коммунист был просто введен в правление Губсоюзом, как официальный представитель.

Такими приемами превращают коммунисты рабочего в свое послушное орудие. В нужную минуту его выводят на улицу и заставляют маршировать под любым знаменем; заставляют выслушивать доклад по делу с.-р. и выносить кровожадную резолюцию; одобрять действия советской делегации в Генуе, посылать приветствия неведомым ему Кашенам. Фроссарам. Раппопортам и пр.

Заграницей.

Развал французского коммунизма.

Неслыханные по своей наглости решения с'езда Коминтерна по «французскому» вопросу привели, как и следовало ожидать, к новым смутам и расколам в партии. С'езд Коминтерна, как известно, разрешил конфликт «центра» с «левой» таким образом, что, отменив постановления с'езда французской компартии о составе Ц.К. и редакции Ц.О., сам назначил французам Ц.К. и редакцию, предоставив в этих учреждениях половину мест левой. Не ограничиваясь этим, с'езд принял драконовские решения о коммунистах, состоящих одновременно в «Лиге прав человека» или франк-масонских ложах, равно как о сотрудничающих в буржуазной прессе. Не только им, под угрозой исключения, предложено прекратить сотрудничество и выйти из данных учреждений, но и в случае неповиновения, они подвергаются каре: воспрещению в течение годового срока выбираться на ответственные должности. Наконец, с'езд вменил французской партии в обязанность впредь на всех парламентских и муниципальных выборах не менее $^{9}/_{10}$ кандидатов брать из числа рабочих, устраняя интеллигенцию.

Эти драконовские постановления явно имели в виду выжить из партии определенных деятелей центра (Поль Луи, Лафон и др.), но рикошетом оне попадают в такие «иконы» коммунизма, как Анат. Франс и старуха Северин, и в ряд активных провинциальных работников, на которых держится партия, и даже в того героического офицера Марти, которого коммунисты упорно стараются зачислить в свой лагерь и который — увы! — тоже оказался франк-массоном!

Общая мера, постановленная конгрессом, запрещение впредь национальным партиям устраивать свои с'езды до очередного конгресса Коминтерна, — явно показывала, что Зиновьев и Ко. хотят сделать общим правилом организационное управление из Москвы внутренними делами входящих в Коминтерн партий.

Марсель Кашен и большинство французских делегатов приняли все, пред'явленные к партии, унизительные требования и поцеловали ручки немилостивых господ. Они взяли на себя обязательство «провести» в жизнь произведенные в порядке государственного переворота решения, лишающие партию даже права выбирать свой центр. Несогласившийся подчиниться делегат Фердинанд Фор, видный деятель партии, заявляет публично, что Кашен согласился принять позорный ультиматум, когда за ним оставили редакторство в Humanité. Тот же взбунтовавшийся делегат пишет, что тошно было смотреть со стороны на Кашена, беседующего с Троцким: так низкопоклонно держал себя французский перевертень.

Опубликование подписанных Кашеном и Ко. решений вызвало бурю негодования в партии. Упомянутый Ф. Фор и с ним часть организации гор. Сент-Этьена заявили о своем неподчинении. В Лионе и Марсели члены партии, принадлежащие к Лиге защиты прав и массоны, об'явили, что не уйдут из Лиги и массонских «лож». В департ. Изер местный вождь Рикар, в департ. Дром — Жюль Блан об'явили о выходе из партии вместе со своими приверженцами. Организация гор. Сент-Уэн постановила 85 гол. против 82 не признавать решений Коминтерна. О выходе из партии заявили

также Эрнест Лафон, известный левый коммунист Виктор Мерик, Сутиф, Пиош, Лакаш и ряд других.

Часть вышедших совместно с многими, еще оставшимися в партии, опубликовала декларацию, в которой отмечает, что решение Москвы уничтожает «демократический централизм» в партии, противореча тем самым «21 пункту». Декларация не прошла и мимо тех новых милитаристских тенденций, которые выражены были на с'езде Коминтерна в речи Бухарина о военных союзах Сов. России с буржуазными государствами. Авторы декларации сообщают, что, хотя конгресс сдал тезисы Бухарина для обработки к следующему конгрессу, но постановил, что, в случае необходимости, их применение в жизни может быть постановлено расширенным исполкомом. Это значит, что большевики считаются с возможностью, что еще в этом году Сов. Россия потребует от пролетариата «дружественной» капиталистической державы «защищать отечество» против враждебной России державы. Декларация напоминает, что принципиальное отрицание защиты отечества еще недавно считалось «азбукой коммунизма».

Организационная смута дошла до апогея, когда сам Фроссар, не выдержав последних заушений, покинул пост секретаря партии, на котором он, благодаря исключительной энергии и опыту, был незаменим, и сейчас же после этого вышел из партии. Впрочем, с поста секретаря он все равно фактически был снят с'ездом Коминтерна, «почтившим» его избранием в Исполком с обязательством переезда в Москву. Злые языки утверждают даже, что именно опасения, связанные с этим переездом в «пределы досягаемости» Г. П. У., и сыграли решающую роль в решении Фроссара отрясти партийный прах с своих ног.

Впрочем, те, кто сами не уйдут из партии, будут исключены на основании драконовских решений Коминтерна. После недавних «чисток» ком. партия Франции благополучно упала до 45.000 платящих членов (50% утраты за 2 года). Еще несколько наездов Троцкого и от нее останется одно неприятное воспоминание. Ибо во всей французской партии, в сущности, нет ни одного настоящего большевика, то-есть, человека, который бы умел облекать в формы ортодоксального марксизма свой политический авантюризм. Или, вернее, есть один, да и тот III. Раппопорт. Из такого материала можно построить банду прихлебателей, но составить большевистскую партию — нет!

Пока уходящие, как и прежде выгнанные, думают о создании «автономных групп» (часть выгнанных прежде составила «Социалистическую Федерацию» с об'единительными тенденциями). Все эти попытки обречены на бесплодие. Единственное, чем отрезвевшие коммунисты могут возместить вред, нанесенный ими французскому рабочему движению, это — вступить обратно в социалистич. партию и усилить в ней левое крыло.

Из Грузии.

За кулисами «об'единения» социалистических республик.

Для того, чтоб оценить, насколько «свободно» был принят на московском конгрессе проект Сталина, об «об'единения социалистических республик», интересно заглянуть за кулисы коммунистической партии. Приведем же несколько документов, характеризующих отношение к вопросу коммунистической партии Грузии.

Еще 15 сентября Ц. К. этой партии обсуждал присланные ему из Москвы тезисы Сталина. Вот выписка из протокола его заседания:

«Слушали тезисы Сталина — Автономизация Советских республик.

Постановили: 1) Предлагаемое на основании тезисов Сталина об'единение в форме автономизации Советских республик, считать преждевременным. Об'единение хозяйственных условий и общей политики считаем необходимым при сохранении аттрибутов независимости.

Голосовали: члены Цека — 5 чел. за, против 1 (Элиава); кандидаты — 6 ч. за, против нет; из присутствовавших — 10 чел. за, против 6 (Орджоникидзе, Камаров, Енукидзе, Кахиани, Сокольников, Гогеберидзе). М. Цхакая воздержался.

Поручить секретариату Цека опросить мнение отсутствующих товарищей членов Цека т. т. Орахелашвили, Торошелидзе и др.

Поручить тов. Мдивани опросить мнение и товарищей, находящихся в Москве.

Воздержаться временно от переноса означенного вопроса в широкие партмассы.

Подписан сек. Цека Сибашвили.»

Свою точку зрения, выраженную в приведенных постановлениях, Ц. К. комм. партии Грузии поручил защищать в Москве своему представителю Мдивани.

Но 17 октября в Тифлисе была получена следующая телеграмма, отправленная из Москвы 15-го:

Товарищу Орахелашвили. Предложение Грузцека о преждевременности об'единения и сохранении независимости пленумом Цека отвергнуто единогласно. Представитель Цека Грузии Мдивани, ввиду такого единодушия пленума вынужден был отказаться от предложения Грузцека. Пленумом принято без всяких изменений предложение членов комиссии Сталина, Орджоникидзе, Мясникова и Молотова о сохранении Закфедерации и об об'единении последней с Р. С. Ф. С. Р. Украинской, Белорусской в «Союз социалистических республик». Текст резолюции следует. Товарищу Орджоникидзе Цека Р.К.П. не сомневается, что его директива будет проведена с энтузиазмом. № 7643 (сек.) Подпись — Секретарь Цека Р. К. П. Сталин.»

Но эта телеграмма не вызвала среди коммунистов Грузии предписанного из Кремля «энтузиазма». Учитывая трудности, с которыми сопряжена работа в атмосфере возрастающей ненависти всего населения и в особенности грузинских рабочих, они отправили по прямому проводу в Москву докладную записку, под которой подписались Цинцадзе и др.

В ответ на эту записку полетела в Тифлис следующая сердитая телеграмма Ленина (отправленная из Кремля 21-го октября и полученная в Тифлисе 22-го):

«Закрайком, тов. Орахелашвили, 21./Х. Дешифровку вручить Цека Грузии, Цинцадзе, Кавтарадзе и члену Цека Орджоникидзе. Удивлен неприличным тоном записки по прямому проводу за подписью Цинцадзе и других, переданной мне почему то Бухариным, а не одним из секретарей Цека. Я был уверен, что разногласия исчерпаны решением пленума Цека при моем участии и прямом участии Мдивани. Поэтому я решительно осуждаю брань против Орджоникидзе и настаивало напередаче Вашего конфликта в приличном и лояльном тоне на разрешение скретариату Цека, которому и передано Ваше заявление по прямому проводу.

Ленин. №7934. Секретно.

Но этим высочайшим выговором дело не ограничилось. Каменев и Бухарин, в свою очередь, обрушились на недостаточно покорных грузинских коммунистов грозной телеграфной нотацией:

Т. т. Цинцадзе и Махарадзе. Копию передать члену Цека Орджоникидзе и секретарю закрайкома Орахелашвили. Из Вашего выступления против великорусского национализма отнюдь не следовала защита грузинского национализма. Вы должны знать, что постановление пленума о вхождении в союз Закавказской федерации должно быть точно выполнено и может быть вновь рассмотрено новым пленумом, если он того пожелает. Тон вашей открытой записки грубо нарушает партийные нравы. Советуем прекратить склоку и работать духе Цекистских решений. № 6028. Каменев, Бухарин.

Еще до получения этой телеграммы весь Ц. К. Коммунистической Партии Грузии решил выйти в отставку. Немедленно собрался президиум «Закрайкома» (закавказского отделения московского большевистского Ц. К.):

Вот выписка из протокола его заседания: Слушали: 1) резолюцию заседания пленума Цека от 22 октября; 2) телеграмму Ленина об обращении к нему группы товарищей из Цека К. П. Г.; 3) о сложении Цека К. П. Г. своих полномочий. —

Постановили: ... 3) Телеграмму принять к сведению; 4) ознакомившись постановлением Ц. К. К. П. Г. о сложении своих полномочий, Закрайком постановляет — отказ принять. Закрайкому наметить состав нового Цека, направив его на утверждение Цека Р. К. П. и одновременно произволя необходимые изменение в советском аппарате; 5) на завтрашнем заседании президиума Закрайкома выработать новый состав Цека и наметить необходимые изменения в соваппарате Грузии для представления на заключение Цека Р. К. П.

Итак, по отношению к Грузии план Сталина проводится не только против желания народа, но даже вопреки прямым протестам местных коммунистов, в порядке диктаторских приказов из Кремля.

Результатом такого попрания всех прав оккупированной советскими войсками страны является все большее обострение в Грузии национального протеста против угнетателей.

Из партии.

Бюллетень Бюро Ц. К.

Вышел № 1 информационного бюллетеня Бюро ЦКРСДРП „Из партии".

Петроградский „Рабочий листок".

Вышел № 4—6 „Рабочего листка", изд. Петрогр. Ком. РСДРП. Содержание: 1917—1922 г.г. — Новый Совет. — Петроградская промышленность и заработная плата. — Откровенные разговоры. — Полезный урок. — К позорному столбу. — Рабочая хроника. — В больш. тюрьмах.— Из парт. жизни. — В с.-д. союзе рабочей молодежи.

Петроградский с.-д. союз молодежи.

Петрогр. Бюро с.-д. союза молодежи выпустило воззвание к юным рабочим и работницам Питера с подведением итогов пережитого и раз'яснением задач союза

Почтовый ящик.

Получены: №№ 55, 67. – Отправлены: №№ 26, 27.

Verantwortlich für Redaktion und Verlag: Alexander Rubinstein, Berlin-Charlottenburg. — Druck von H. S. Hermann & Co. Berlin SW 19, Beuthstr.